

ВЕНОК
ПРЕДНАКОВСКОМУ

В о л г о г р а д

1 9 7 6

ВОЛГОГРАДСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. А. С. СЕРАФИМОВИЧА

В Е Н О К ТРЕДИАКОВСКОМУ

*Из неопубликованных сочинений.
Тредиаковский и родной край.
Вклад в развитие языка и
литературы. Читатели и ценители.
Из краеведческой хроники*

Волгоград, 1976

ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Учебное пособие к спецкурсу

В ы п у с к XII

О НАШЕМ СБОРНИКЕ

В октябре 1975 г. широко отмечалось 250-летие Академии наук СССР. Первому из русских людей академику и посвящается очередной выпуск пособия. Жизненный и творческий путь В. К. Тредиаковского весьма поучителен и должен найти отклик в научной, учебной и воспитательной работе студентов и учителей русского языка и литературы, истории, а также иностранных языков, поскольку Тредиаковский был практиком и теоретиком в области художественного и научного перевода. Поэтому в сборнике помещены не только статьи и сообщения краеведов, посвященные роли родного края в жизни и творческом развитии писателя и ученого, но также работы исследователей, раскрывающие разные стороны его деятельности. Это представляется весьма уместным потому, что литература о Тредиаковском, доступная для студентов, слушающих спецкурсы, работающих в семинарах и научных кружках, немногочисленна. Некоторые материалы публикуются в тезисной форме: редколлегия стремилась представить в сборнике широкий круг авторов, работающих в Ленинграде, Москве, Киеве, Горьком, Тамбове, Мичуринске, Астрахани, Ашхабаде.

Сборник подготовлен кафедрой русской и зарубежной литературы Астраханского государственного педагогического института имени С. М. Кирова.

Редакционная коллегия:

*И. И. Нахимов, В. П. Самаренко,
Н. С. Травушкин (отв. редактор).*

НЕИЗДАННЫЕ ТЕКСТЫ В. К. ТРЕДИАКОВСКОГО

Стихотворные переложения псалмов — жанр, чрезвычайно распространенный в поэзии русского классицизма в течение всего XVIII в.; жизнеспособность его была подтверждена возрождением интереса к нему в 1810—1820 гг., когда для поэтов-декабристов он оказался чрезвычайно привлекательным по своей эмоциональной емкости. В XVIII в. не было поэта, который в той или иной степени не занимался бы разработкой поэтических возможностей этого жанра. Именно в жанре духовной оды — так иначе назывались переложения псалмов — начало личностное, подчеркнутое авторское отношение к теме, получило выражение особенно интенсивное по сравнению с одой торжественной.

Тредиаковский осуществил полное стихотворное переложение Псалтири под названием «Псалтирь или книга псалмов блаженного пророка и царя Давида преложенных лирическими стихами и умноженных лирическими песнями от Василья Тредиаковского». Однако, кроме десяти переложений псалмов, опубликованных в «Сочинениях и переводах» (1752), все остальные (140 стихотворений) остались в рукописи и не изданы до сих пор.

Мы публикуем полностью его «Предуведомление» к стихотворному переложению Псалтири. В «Предуведомлении» Тредиаковский объясняет свой метод стихотворного переложения псалмов, полемизирует с Ломоносовым и поскольку, как он ожидал, ему при печатании всей книги переложений пришлось бы иметь дело с духовной цензурой, то он заранее защищает себя от обвинений в каком-либо произвольном истолковании текстов так называемого священного писания. Однако и полное стихотворное переложение псалмов и поэма «Феофтия», одновременно отправленные в синодальную типографию, так и не были напечатаны.

Для настоящей публикации мы выбрали те псалмы, которые чаще всего перекладывались в стихи русскими поэтами XVIII в. для того, чтобы читатели могли сами сравнить сделанное Тредиаковским с работой над этими же псалмами Ломоносова, Сумарокова или Державина.

Можно предположить, что если бы все 150 стихотворных переложений Тредиаковского были изданы в свое время, то есть в середине 1750 гг., то это могло существенно изменить его литературную судьбу. Но этого не произошло, и современный читатель впервые публикуемых стихов Тредиаковского, конечно, при первом знакомстве с ними испытывает несомненные трудности, в первую очередь

языковые. Но когда он их преодолает, — а сделать это не так уж трудно, — то ему откроется интересная и поучительная страница начального периода русской поэзии.

Подготовка текста к публикации и примечания А. Б. Шишкина.

Псалмы печатаются по тексту списка ЦГАДА 1755 года (ф. 381, ед. хр. 1037), сверенному с двумя списками, хранящимися в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ф. 487, собр. Н. М. Михайловского, ф. 43 и ОСПК XIV 59).

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

О важности Давидовых псалмов, и пользе от них душевной, не меньше продерзостно, коль было б излишно, предлагать пространно по святом Афанасии, архиепископе Александрийском¹. Сей богомудрый святитель, пиша к Маркеллину о толковании псалмов, изъяснил все, что до них касается, и толь, что более о том желать, нет, мнится, потребности. Всякое Писание Ветхого и Нового завета, говорит он с учителем языков, есть богодухновенно и полезно к научению²: каждая в обоих книга собственную повесть произносит и возвещает. Но книга псалмов все оные купно как в некотором—раю имея в себе насажденные песнословит и собственную оную каждой книге из всех особенно предлагает. Итак, разделяются иерархом псалмы то на произнесенные в историю, то в утешение, то в пророчество, то в молитву, то в исповедание; из которых сии покаянные, а те благодарственные и похвальные, по различию движений сердечных. Но изволяющий да чет там обстоятельно всего псалмам претвердого объяснения дело.

Мне должно уведомить токмо читателей о причинах, которые меня возбудили к предложению всех псалмов стихами, и совокупно о способе, какой наблюдаем был мною в предложении оных.

Первая из тех: подражание всем почитай христианским народам, по крайней мере, населяющим Европу. Нет из сих ни единого, у коего псалмы не были б предложены стихами, и стихами лирическими, как то и должно, и род псалмов требует. Но сего самого и не было на нашем языке поныне, кроме некоторой частицы. Предложение Симеона Полоцкого³ есть не токмо не лирическое, но и какого б было из поэзии вида определить не без трудности; а что потом оно еще как везде так и в сафической его строфе не стихами (выключая рифму, которая от-

нюдь не составляет стиха по внутренности, но извне только украшает оный), о том уже между искусными нет ни малого сомнения. Сие, впрочем, сказано не в укор честному и ученому мужу, усопшему уже о господе; я ведаю, что о мертвых или ничего, или с похвалою говорить должно. Но понеже в его время стихотворение наше не имело еще правил, и не было приведено в порядок, то каждый не может не чувствовать, что недостаток был с нашей стороны, а не в нем; благоговейный оный иеромонах таким прелагал стихом, какой инде там свойственный от своих преданный восприял учителей, видя что у нас собственного тогда не обреталось.

Вторая причина была: ревность моя к услужению охотникам. Несколько псалмов составлено мною и печатью обществу подано; а числом их только десять⁴. Они любопытных сердец не только не насытили, но еще более, чтоб так сказать, алчность в них распалили; пожелали они, что бы им наслаждаться всеми составленными равным образом; а желания своего некоторые из них, посещавшие меня по временам, и от меня не скрывали часто. Преисполнились слухи мои повторения их, а углубленные речи в сердце воспламянили в нем горячность к начатию.

Они еще и еще возбуждали меня, что — третьею есть из причин к предприятію труда и к преложению всех на все псалмов. Как стало отказаться от удовольствования толь достохвальному таких рачителей вожделению? Чего ради я им напоследок и обещался с божиею помощію в том служить и по их желанию исполнить.

Четвертая: собственное мое любление псалмов. Что более в Псалтырь начал я вникать (по случаю CXLIII псалма, прежде всех преложенного при некотором любопрении)⁵, то сильнае отчасу стал быть поражаем великолепием ея слога и чувствовать величие изображаемых всюду в ней вещей. Все обоняю в псалмах велико, величественно, велелепно! Все дышущее божіим духом, благоухающее святостию и вещающее божественным красноречіем ощущаю! В них красуется небо с златозарными светилами, и с силами полков и кругов их неисчетных; в них шумно рыщет, в торжественном возмущении, воздух с тучами, с громом, с молніями; в них земля в заклепах своих и твердынях, с горами и холмами скачет; в них море с безднами играет, а реки и источники в веселии плещут;

в них огонь и самый эфир ликовствует бурно; в них вся тварь, весь род вещества, все естество, в превыспренних местах и преисподних трепещет присутствия владычня, трясется от облистания его, внемлет в ужасе мановение вседержавных десниц, в страхе чудится всемогущей силе, от непостижимых судеб премудрости его оцепеневаает, неизреченную благодать превозносит, пред величеством его благоговеет: в них все хвалит господу, и хвалится само своим предверховным содетелем и царем. Словом, в псалмах единственный и точный есть образ превосходных и прекрасных пиитических изображений, сердце, душу и ум в преестественный некий восторг поревающих и восхищающих. Кто ж, разве бесчувственный человек, не возлюбит псалмов? Итак, пламень, горящий к псалмам во внутренности моей, почел я за некоторое тайное мне побуждение к сему преложения делу, а почетши так, и преложил при божием поспешествовании все псалмы лирическим стихом, как то уже в сей книге явно.

Пятая и последняя, которая едва ль не действительнейшая всех прочих, именно ж: доказать бы многим, кои, углубляясь в Пиндаров и Анакреонтов не мнят уже нигде быть подобной высоте и сладости, что языческое оное и светское велелепие в песенных слогах есть токмо тень, или еще и та, божияго и небесного гласа, в Давидовых псалмах гремящего. Притом, изострить бы совокупно охоту к чтению псалмов в таких, которые и любя их, часто цельные в них силы не чувствуют; сие ж, иные, как от навыка к борзому прочтению псалмов, воздух токмо бия своими изглашениями без разумения, так другие и от пренебрежения, слыша ежедневно их читаемых, и тем будто б некоторую в них сытость собою вложивших, и дающих уже увет к отвращению от многократного повторения. Все сие стих может исправить, и устремить напряжение внимания то высокою и важностию начертаний, то умильностью и плавностию, то великолепием и богатством, то краткостию и плодovitостию, то различием стоп и расчитаваемого сочетания, а везде новою красотою и сладостию: так что всякого и не хотящего, пригвоздят стихи к псалмам и дадут чувствовать, колико каждый из сих умащен есть свыше елеем благодати. Самые оные буйные духи высокоумно богоборным неверием дмящиеся⁶, и дерзостно нечестивое свое самомнение изрыгающие, способнее медом стихов усладиться могут и равно ж

чтением псалмов преклониться к истине, видя светозарные лучи ея блистающие в них повсюду и покланяемые следы божества; да и быть участниками света, может быть, и признавши в тайности своего сердца густоту мрака или и слепоты своея всеконечныя.

Что ж до способа, то следующий употреблен был мною при преложении. Известно, что многие обретаются с еврейского переводы Ветхого завета. Наш перевод потому есть древнейший и первейший, что он с греческого так называемого Седмидесятного, коего ни перее, ни старее не обретається⁷. Однако, собственно славенский наш инде несколько примрачен, а еще более неведующим, при незнании вообще грамматических правил, древностей еврейских и свойств еврейского языка.

Трудность сия весьма способна могла отвратить меня от труда, не взирая на то, что не надлежало мне толковать псалмы (да и не предприятия моего, ни сил), но токмо разум грамматический постигать в каждом, в чем самом и состоит оная крайняя трудность. И дабы преодолеть несколько сию, восприял я в помощь славнейшие переводы с еврейского, обретающиеся как на латинском языке, так и на французском, сверх греческого Семидесятного (какой я имею в двух томах в лист с присовокуплением по каждой псалме так называемых различествующих чтений), с которым славенский наш во всем согласен, кроме помянутых примрачностей.

С сею троякою помощию добирался я, по возможности, до желаемые мне в славенской Псалтыри ясности, которую разлить всюду и по преложению моему всемерно тщался, чего ради и каждого псалма literalную силу кратко изъяснил, и положил такія описания пред всяким; но при свете оныя, иногда довольном, иногда ж несколько слабом от положенных речей в нашем переводе всячески не удалялся и, сколько возможно было, оными самыми стих мой составлял, разве когда равномерных требовали необходимо или метром, или рифма, или энергия. Получил ли я в сем успех да видят ведающие: мое разумение во всем есть такое, какое мудрствование всея благочистивыя церкви, коей сей мой труд и подвергаю.

Присовокуплены здесь к псалмам и оныя пророческія песни, числом десять, обыкновенно в наших Псалтырях по всех псалмах полагаемые, а с сими соединена и Дев-ворина песнь, знаменитое в божіем народе приключе-

ние воспевающая прекрасно. Сии песни изданы уже в свет⁸, но сюда внесены они паки для природного их с псалмами сходства.

Слово *кафисма*⁹ положено у меня не в церковном знаменовании, ни для знания, сколько надобно когда кафисм прочесть: для сего надлежало б во всякой кафисме означать трижды и речь *слава*, как то при псалмословии обыкновенно бывает. Положил я всем ведомое здание сие точно вместо глав разделом.

Стих на предложение употреблен мною тетраметр¹⁰ как трохаический, так и иамбический: он лирической мере на нашем языке приличнее прочих. Строфы составлял я от чотырех до десяти стихов включительно, то есть, полагал их как правильные, так и называемые неправильными для нечета стихов всегда некоторые три стиха в себе одним звоном рифмы соглашающими. Но все они вообще равные по числу стоп; называемые ж народными в двух или трех только псалмах да в трех конечно, из пророческих песней находятся, прежде всея Псалтири и для примера сочиненные.

Было в мысли положить каждый псалом на распев. Но сие много б у меня отняло времени надобного мне по должности на другое нужнейшее и полезнейшее. Того ради, препоручаю преклад голосов другим, имеющим дар мусического творения; я предлагаю для чтения токмо мое предложение боголюбивым людям, желая всесердечно, да будет оно им плодоносно по духу.

Святой душе! глаголавший пророками! и давший Псалтирь соборной твоей и апостольской церкви в толикую потребность, что лучше, по слову златословесного учителя, всемирному светилу престать от течения, нежели от псалмопения! Сотвори, да сие предложение в стихотворную меру Давидовых псалмов, вдохновенных ему древле тобою, начатое мною ныне и оконченное не для тщеславного оказания искусства (кое буде есть во мне некоторое, то от тебя ж подателя есть дарований), но высшего ради прославления божеству, да сие, молю, предложение послужит христоверным читателям российского племени в созидание истинного разума о тебе и в приращения им благодати твоея, а мне, потрудившемуся, о! утешителю благий, в очищение сердца и в обновление духа в моей утробе буди! буди!

Псалом 14

В жилище, господи, твоём
Кто обитает как достойно?
Или святой твой дом пристойно
В сельбу¹¹ кому есть отдаем?
Тому, кто ходит непорочно,
Правдив есть словом, делом точно.

Языком кто своим не льстит,
И кто едиנוверну другу
Приличну помня сам услугу
Зла не наносит, злу не мстит:
Притом, и ближних не ругает,
И никого не облыгает¹².

Лукавнующий всяк пред ним
Презрен во всяко время зрится:
Он честь отдать повсюду тщится
И прославление таким,
Которы страх имеют к богу
И к господу любовь премногу.

Клеврету¹³ оный своему
Стоит в присяге данной твердо;
Ни не дал в рост немилосердо;
И не винил на мзде к тому,
Сие творящи человеки
Недвижимы пребудут в веки.

Псалом 81

Бог предстоит богов в соборе,
Суд внемлет он среди судей:
Пока ж судить неправо в споре?
Пока на лица зреть людей?

Расправу сиротам давайте
И всем из маломощных в вас,
Смирённых, нищих оправдайте
И беспомощнейших тотчас.

Вы страждущих напасть измите
Из сильных и теснящих рук;
От человеков злых спасите,
Их избавляйте и от мук.

Но ах! те коль сего не знают!
И разуметь коль не хотят!
В своей тьме ходя, пребывают!
Земной основе тем вредят!

Я рек: вы на земле здесь боги,
И дети вышняго притом;
Но в те ж вы идете дороги,
И в тот же человеческий дом.

Вы умираете как люди!
Хотя ж при вас и главна власть
Однак издохнут ваши груди,
Вы в гроб не можете не пасть.

О! боже, сам восстани славно,
Суди за все неправоты;
Суд сделай на земле исправно:
Народам всем наследник ты.

П с а л о м 103

Благослови, душа моя,
Владыку, господу поя;
О, господи, о! всемогущий,
Во всем ты и зело велик:
Величеством одеян сущий,
И велелепием толик;
Бог свет как ризу облекает,
Руном же небо простирает.

Превыспренних селений свод
Он кровом разграждает вод;
Его из облак колесница,
На крилах ветра ходит сам:
Творит он ангельски дух лица,
Слуги все огонь и пламень там;
Поставил землю на твердыне,
Да не приклонится ввек ныне,

Одеждой бездны ту покрыл,
Чтоб на горах поток вод был;
От гроз твоих побегли воды,
Пришли от грома, боже, в страх:
Возносят горы к верьху всходы,

Поля сошли, и дольний прах;
Заемлют те места и части,
Где ты велел им быть во власти.

Водам ты положил предел,
За сей ступить бы ток не смел;
Они уже не возвратятся
К тому всю землю покрывать:
Ведешь струи, в долах крутятся,
Ты дал меж гор им протекать;
Собой зверей те напояют,
Онагри¹⁴ жажду утоляют.

Витая, птицы там поют,
От камней клики раздают;
С высот ты орошаешь горы,
Сыта земля от всех плодов:
Цвет веселит людские взоры,
Трава прозябла для скотов;
Земля клас в злаке ж произносит,
Что человек на пищу косит.

Сердцам в веселость есть вино,
Лице у нас умощено
Елеем мягким, тем и чистым;
Для укрепления нам хлеб;
Древа взнес ростом ты ветвистым
Ливански кедры для потреб;
Там птицы с гнездами своими
И вьется еродий¹⁵ над ними.

Еленим высота есть гор,
Прибегшим зайцам камень двор;
Луне ты для времен дал беги,
Познало солнце запад свой:
Навел тьму, се и ночь для неги,
Всяк рыщет дикий зверь при той;
Рыкает львищиц плотоядный
Да иск¹⁶ себе восхитит рядный¹⁷.

Лишь воссияет солнца круг,
Уходят в логовища вдруг;
Но человек уж на работу
До вечера идет тогда;
Ты, господи, твоих доброту

Дел возвеличил навсегда;
Во всем твоя премудрость зрится,
Тварь многа на земле родится.

В пространном океане том
Бесчисленным родам есть дом;
Живет там малое с великим.
Там плавают и корабли,
И кит, что сотворен толиким
В глуби играет и в мели;
Тебя ждет оных всяко племя,
Да пищу им в свое дашь время.

Когда подашь, ту и берут,
И насыщаясь так живут;
Едва твою отверзешь руку,
Все исполняется благих;
В тоску приходят, в крайню скуку,
Как отвращаешься от них;
Отымешь дух? тотчас слабеют
И в прах свой возвратившись, тлеют.

Как дхнешь в них, сотворятся все,
В том землю обновишь часе;
Господня буди ввеки слава!
Да веселится он в делах!
Господь, что в том его держава,
На землю призирает благ,
И ту в трясение приводит;
К горам коснулся? дым исходит.

Владыку всех я воспою
Во весь живот мой, в жизнь сию;
Доколе есмь и пребываю
Я бога моего хвалю.
Ему и песни воспеваю,
Его о всем благом молю:
Сладка ему моя беседа,
Мне веселиться много следа.

Да грешники уж от земли
Исчезнут все гонзая¹⁸ к тли!¹⁹
Да ныне беззаконных болей
Не будет вдруг на ней к тому!
Да не преступствуют те долей,

Ни зла да не творят кому!
Душа! Ты господу с делами
Благослови всегда хвалами.

Псалом 116

Хвалите господу народы,
Воздайте все хвалу ему.
Его на всех нас по всему
Уж утвердилась милость в роды.
Господь правдив не так, как всякий человек
Вертяйся значком от погоды;
Но истина того в весь пребывает век.

Псалом 145

Хвали, душа моя, хвали
Над всеми господу всесильна;
Ему будь похвала умильна;
Всегда едину ту внемли;
В жизнь бога восхваляю прекрасно,
Пока есмь, буду петь возгласно.

О! вы, из смертных все людей,
На бранных вы не уповайте;
Ниже надежду возлагайте
На толь бодрящихся князей;
Спасать не их отнюдь есть дело.
Их также тле подсудно тело.

Из человека сына дух
Ишед, от уз как свободится,
То труп его и возвратится
В свою персть прах и в землю вдруг;
В тот день все замыслы растают,
Намерения погибают.

Блажен! кому Иаковль Бог
Помощник есть и заступитель,
Кому господь бог покровитель
И самая надежда рог²⁰;
Сотворший небо, море, землю
И все, что счислить не поемлю.

Он истину хранит во век;
Обидимым творит расправу,
И подает тем пищу здраву,
Которые от человек
Ослабевают алча в гладе;
Он ставит всех и все в прохладе.

Господь решит в оковах кто;
Господь слепцов толь умудряет;
Господь возведши удобряет
Низверженных особ в ничто;
Он любит правдою пространных;
Блюдет сирот, и вдов, и странных.

Господь сам истребляет путь
И беззакония грешащих;
Он ненавидит злом дышащих,
Сражает полну скверны грудь:
Господне Царство в вечны годы;
Он бог твой, о! Сион, в род — роды.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Афанасий Великий (ок. 296—373), архиепископ Александрийский, заслуживший имя отца православия. Его «Послание к Маркеллину о толковании псалмов» содержит определение главного отличия книги псалмов от других ветхозаветных книг: в Псалтири «изображены движения каждой души», читающий Псалтирь отождествляет свои чувства и себя с псалмопевцем.

² Цитата из второго послания апостола Павла к Тимофею (3, 16).

³ «Псалтирь рифмотворная» Симеона Полоцкого (1649—1680) была напечатана в 1680 г. в Москве. В конце XVIII в. она положена на музыку дьяком В. Титовым.

⁴ Переложения псалмов 1, 6, 18, 42, 51, 78, 111, 139 и 143 опубликованы во 2 томе книги «Сочинения и переводы как стихами так и прозою Василья Тредиаковского», СПб., 1752, с. 3—102.

⁵ Ломоносов считал, что каждому стихотворному размеру соответствует своя эмоциональная окраска, определяющая его тематику. Ямбическая стопа «сама собою имеет благородство». Поэтому «высокая и благородная материя» должна описываться ямбом; напротив, хорей, «с природы нежность и приятную сладость имеющий сам же с собою... должен токмо составлять элегический род стихотворения». К Ломоносову присоединился Сумароков. Тредиаковский возражал им: размер «сам собою не имеет как благородства, так и нежности». Для разрешения спора было решено «сочинить всем трем некий высокий род-стихотворения, а именно оду, а для сего выбрать один псалом из Псалтири», который Ломоносов и Су-

мароков переложили ямбом, а Тредиаковский хореем. «Три оды парафрастические псалма 143» вышли в свет в 1744 г.

⁶ Дмящися. Дмиться — надуваться, надмеваться, становиться гордым.

⁷ Перевод семидесяти толковников или Септуагинта — первый перевод Ветхого завета на греческий, сделанный до 130 г. до н. э. Существовало предание, поставленное под сомнение в конце XVII в. и отвергнутое только в XX в., что Ветхий завет был переведен за 72 дня 72 израильскими толковниками для Александрийской библиотеки Птолемея II (285—247).

⁸ Переложения пророческих песен включены в т. 2 «Сочинений и переводов» Тредиаковского, с. 103—149.

⁹ Кафисма, кафизма — название каждой из 20 частей Псалтири для богослужебных целей.

¹⁰ В «Способе к сложению российских стихов против выданного в 1735 году» Тредиаковский определяет тетраметр как четырехстопный размер, не имеющий пресечения (цезуры). («Сочинения и переводы», т. I, с. 124).

¹¹ Сельба — селение.

¹² Облыгать — клеветать, оболгать.

¹³ Клеврет — товарищ, собрат.

¹⁴ Онагри — дикие ослы.

¹⁵ Еродий — аист.

¹⁶ Иск — искание, добыча.

¹⁷ Рядный — изрядный.

¹⁸ Гонзая — убегая.

¹⁹ Тля — тлен, прах.

²⁰ Рога — символ власти, могущества, олицетворение светлой силы, «уничтожающей любое исчадие мрака и всяческое зло». См.: М. П. Алексеев. «Пророче рогатый» Феофана Прокоповича, в кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков, М.—Л., 1959, с. 17—43.

Н. С. ТРАВУШКИН

РОДИНА ТРЕДИАКОВСКОГО —
ОДНО ИЗ КУЛЬТУРНЫХ ГНЕЗД XVIII века

Центры оживленной экономической и вместе с тем духовной деятельности Н. К. Пиксанов образно назвал «областными культурными гнездами». Здесь возникали наиболее благоприятные условия для появления творческих личностей, которые затем становятся деятелями общенациональной культуры, внося в нее ценности, почерпнутые в родных местах. Из Холмогор пришел в русскую культуру не только Ломоносов, но и прославленный скульптор Федот Шубин. Из Астрахани — не только Тредиаковский, но и Хемницер, а позднее И. Н. Ульянов.

С момента своего возникновения в 1558 г. Астрахань занимала в системе феодального государства особое место важного порубежного города и торгового пункта. Из Индии и Персии, из Хивы и Бухары сюда доставлялись партии дорогих экзотических товаров: шелка и пряности, драгоценные камни и рис — «сорочинское пшено», шкурки каракуля, который и до сих пор во многих европейских языках обозначается словом «астрахан». Русские в свою очередь везли в страны Востока мясо и сало, через Москву и Архангельск торговали хлебом, солью, рыбой, бочками отправляли в европейские страны «кавиаро» — черную икру.

Путь по Волге на Восток издавна привлекал внимание западноевропейского купечества. В Астрахани нередко останавливались на пути в страны Востока иноземные посольства. В город прибывали и здесь оседали католические миссионеры: святейший престол всюду старался иметь своих соглядатаев и «ловцов душ». Среди них были и весьма ученые люди, носители не только церковного, но и светского знания.

В Астрахани не была редкостью светская книга на

иностранным языке. Обучаясь в латинской школе у патеров-католиков, общаясь с просвещенными людьми города, Василий Тредиаковский мог пользоваться сокровищами мысли, заключенными в печатном слове,— сочинениями античных философов, историков, поэтов, трудами европейских ученых. Сохранилось документальное свидетельство о том, что у молодого Тредиаковского были собственные книги. После его отъезда жена Федосья продала на «пропитание» домашние вещи, в том числе — «две книги на латинском языке»¹.

В составе бывших библиотек римско-католической церкви и духовной семинарии до нас дошло немало книг с владельческими и дарственными надписями, иной раз датированными и с указанием места дарения — Астрахани. Книги, несомненно принадлежавшие жителям этого далекого от европейских научных центров города, свидетельствуют о широте интересов, об энциклопедичности познаний их владельцев.

В сохранившихся коллекциях десятки книг XVI в.: сочинения античных авторов о сельской жизни (издание Альдов, 1528 г.); комедии Теренция с комментариями знаменитого филолога Элия Доната, с эпистолой Эразма Роттердамского и его очерком «О метрике»; речи Цицерона, изданные в 1545 г. в Лионе; «История Рима» Аппиана Александрийского, которую высоко ценил Маркс; изложение греческих мифов, приписываемое Аполлодору Афинскому; книга медицинских советов; отпечатанный в Венеции фолиант «Мироздание, или словарь языка Данте, Петрарки, Боккаччо и других лучших писателей». Еще разнообразнее книги, относящиеся к XVII и началу XVIII вв.: сочинения Гомера, Вергилия, Горация, Сенеки, Плиния Младшего; сатиры Перса и Ювенала в переводе на французский язык; латинские и греческие словари-фолианты; книги по математике и астрономии, по анатомии и ботанике; физика и химия, география, навигация, история и нумизматика, строительное искусство, светские стихи на немецком языке и т. д.². Все это неведомыми ныне путями приходило в Астрахань с книжных ярмарок Лиона и Лейпцига, из типографий Парижа и Амстердама, Венеции и Франкфурта-на-Майне. Во многих книгах — подчеркивания и маргиналии, рукописные вставки, добавочные листы, свидетельства тщательной работы над текстом.

Но русской Астрахани не была чужда и своеобразная культура Востока; в городе имели хождение рукописные книги на восточных языках. Собрание редких индийских рукописей из Астрахани хранится в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде³. Армянские фонды в 1964 г. были переданы областным архивом Армянской республике, наиболее ценные рукописи находятся в древлехранилище Матенадарана⁴. Но и сейчас еще в коллекциях краеведческого музея, областного архива и у астраханских собирателей есть рукописные книги на восточных языках.

В пору господства на Кавказе Турции и Персии в России искали убежища и помощи многие видные деятели грузинского народа. Так, в 1681—1685 гг. в Астрахани жил Арчил II с придворными. Это талантливый литератор и историк. В Астрахани он работал над некоторыми стихотворениями, писал поэму о Шота Руставели⁵. С тех пор грузинская колония непрерывно вносила свой вклад в общественно-культурную жизнь города.

Ясно, что Астрахань задолго до начала XVIII в. представляла собою в феодально-крепостническом государстве одно из немногих «культурных гнезд», не знавших средневековой замкнутости, приобщенных в какой-то мере к европейскому знанию и к своеобразной древней культуре Востока. Рядом с типическими проявлениями феодального строя, феодальной идеологии и домостроевского быта здесь складывались капиталистические отношения, возникала нового типа городская (т. е. «буржуазная») культура. Можно сказать, что здесь в силу своеобразнейших условий развития города ощущались отдаленные веяния западноевропейского Возрождения, а с началом петровских преобразований — и раннего русского Просвещения.

Преобразовательная деятельность Петра создает новые стимулы для всестороннего развития города, стоявшего у ворот Каспия. Астрахань скоро заняла важное место в планах и начинаниях царя. Немецкий ученый-просветитель Лейбниц, несколько раз встречавшийся с Петром и принятый им на службу⁶, отводил Астрахани (вероятно, не без влияния представлений ранее побывавших здесь Адама Олеария и Пауля Флеминга) весьма ответственную роль. Разрабатывая планы повсеместного в России насаждения наук, Лейбниц писал Петру:

«Москва как столица, Астрахань, Киев и Петербург заслуживают особенного внимания относительно учреждения в них университетов, академий, школ и всего, что к этому относится»⁷. По мысли Лейбница, Россия должна была взять, с одной стороны, из Европы, а с другой — из Азии, все лучшее, усовершенствовать то, что сделано в обеих частях света.

Петр хорошо понимал значение близкого к Востоку города, заботился об экономике края, об изучении его природных богатств, о постановке здесь научных исследований.

В 1701 г. Петр предоставил Армянской Джульфинской компании новые льготы с условием вывозить из Персии весь шелк и тем способствовать торговле с Европой. В 1704 г. царь повелел взять в казну все учуги и рыбные ловли, учредил рыбную контору. В 1719 г. из обширной Казанской губернии были выделены Среднее и Нижнее Поволжье, была образована Астраханская губерния, включавшая в себя и крепостцу Царицын, и Гурьев в устье Яика, и Терский городок в устье Терека.

По приказу Петра в 1712 г. естественно-историческими исследованиями края занимался в Астрахани ученый Шобер⁸. В 1718 г. уряднику лейб-гвардии Преображенского полка Алексею Татарникову поручается создание в Астрахани государева птичьего двора⁹. Часть отловленных в дельте птиц и зверей отправлялась в Петербург, и царь находил время посмотреть присланное.

Но самым важным из научных предприятий Петра было изучение Каспия и составление первой в географической науке точной карты моря. Астрахань стала базой и исходным пунктом нескольких экспедиций. Сюда прибывали мореходы и ученые, здесь снаряжались корабли. К восточным и северным берегам в 1715–1716 гг. отправилась экспедиция Бековича-Черкасского; в 1719 и 1720 гг. плавал знаменитый навигатор Ф. И. Соймонов. Результатом были точные съемки и единая общая карта всего Каспийского моря¹⁰. В 1721 г. она была отпечатана. В ответ на избрание Петра членом Парижской Академии наук он отправил туда вычерченную от руки, исправленную по его указанию копию карты Каспия — научную новинку для тогдашнего мира¹¹. Соймонову Парижская Академия присудила за эту работу золотую медаль. Так, еще до создания Российской Академии наук в Астрахани

осуществлялись академического масштаба исследования, получившие признание в ученом мире.

Вероятно, при изучении архивных документов, а также владельческих и дарственных надписей на книгах упомянутых уже коллекций можно было бы выявить и других лиц, посылавшихся в Астрахань с научными и практическими целями. Так, представляется весьма любопытной небольшого формата латинская книга — старательно переписанная «Всеобщая анатомия» Николаса Бидлоо, помеченная 1717 г. Автор ее, голландский анатом и хирург, был приглашен Петром I на должность главного врача (архиатра). Быть может, он побывал в Астрахани, или же сочинение его привез сюда кто-либо из других медиков.

В 1722 г., по окончании Северной войны, Петр I сам прибыл в Астрахань в связи с предпринятым им Персидским походом. Здесь был сосредоточен большой флот, Астрахань стала адмиралтейским городом, учреждаются верфи, портовое управление, «арифметическая» школа. В составе Каспийской экспедиции Петра был видный ученый-энциклопедист и писатель, молдавский господарь князь Дмитрий Кантемир. Он управлял походной канцелярией царя, был автором манифестов к жителям Персии.

С прибытием Петра и видных его сподвижников город, естественно, стал центром оживленной деятельности общегосударственного масштаба. Отсюда рассылались именные указы царя, сюда прибывали иностранные послы, шла в каких-то формах придворная жизнь, устраивались приемы, увеселения. Придворный живописец гасконец Каравакк написал здесь портрет Петра I, с которого сохранилась гравюра¹². Позировала художнику и прибывшая с Петром царица Екатерина.

Живший в небольшом деревянном загородном дворце Петр ежедневно на своей плезир-яхте спускался по Кутуму к Волге и Кремлю. Он высоко оценил создание мастера из крепостных крестьян Дорофея Мякишева, который в 1700—1710 гг. построил в кремле двухъярусный золотоглавый Успенский собор: «Во всем государстве моем нет такого лепотного храма». Петр бывал в различных местах города, беседовал с мастерами-корабельщиками, с рабочим людом, с купечеством.

В работах дореволюционных краеведов сообщалось,

что Петр осмотрел в Кремле училище при Троицком монастыре, где отметил лучшего ученика Василия Тредиаковского. Хотя Тредиаковский жил еще в Астрахани в это время, есть сомнения в достоверности этого эпизода. Но не в этом суть. Ясно, что энергичная и всеохватывающая деятельность Петра и его славного окружения производила на даровитого юношу впечатление неизгладимое. Тредиаковский — сын петровского времени, он не мог не проникнуться духом исканий и трудолюбия, желанием положить все силы на служение отечеству.

Приобретя в Астрахани нужные для начала ученого пути знания — не только русской и церковно-славянской грамоты, но также латинского, древнегреческого и итальянского языков, Тредиаковский отправился для продолжения учения в Москву, а затем за границу. И впоследствии, будучи в Петербурге, в Академии наук, он не забывал родного города, даже переписывался с астраханцами, помогая им в розыске нужных книг, как о том свидетельствуют документальные находки А. С. Маркова и В. А. Попова.

Наконец, еще одно важное и особенное обстоятельство, которое, вероятно, не следует упускать из виду исследователям в общем несомненно демократической идеологии Тредиаковского. Он знал не только парадную сторону российской монархии. Ведь Нижнее Поволжье было ареной Крестьянской войны, в 1670 г. астраханский кремль был взят Разиным при прямом содействии жителей — ему открыли ворота. Здесь Разин, а затем его сподвижники, управлявшие городом, творили суд над притеснителями народа. А вскоре после рождения Тредиаковского в Астрахани произошло народное восстание большого размаха. Политические и хозяйственные реформы Петра вводились не без противоречий и крайностей, ложились тяжким бременем на трудовой люд. В течение 8 месяцев город был во власти восставших, управлялся выборными людьми. Были отменены многие налоги, ликвидированы судебный произвол и привилегии дворян. Астраханское восстание 1705—1706 гг. было жестоко подавлено фельдмаршалом Шереметевым, которого направил сюда Петр¹³.

Таким образом, при изучении жизни и творчества В. К. Тредиаковского, ставшего выдающимся ученым и писателем, следует учитывать факты хозяйственной, по-

литической и культурной истории его родного города. Тредиаковский мог многое вынести из родимого гнезда, многим обязан месту своего рождения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Самаренко В. П. В. К. Тредиаковский в Астрахани. В кн.: XVIII век, сб. 5. М., 1962, с. 662.

² Травушкин Н. С. Старинные книги из астраханских коллекций. Каталог выставки к научной конференции, посвященной В. К. Тредиаковскому, в помещении краеведческого музея. Астрахань, 1975. Ротапринт.

³ Пиккиев И. Памятники давней дружбы. «Волга» (Астрахань), 1958, 23 марта.

⁴ Хачатурян В. А. Судебно-административные органы астраханских армян XVIII—XIX вв. и их архивные фонды. «Вестник армянских архивов», 1971, № 3, с. 135.

⁵ Татишвили В. Л. Грузины в Москве. Исторический очерк (1653—1722). Тбилиси, 1959, с. 147—207.

⁶ Чучмарев В. И. Г. В. Лейбниц и русская культура. Из истории международных и культурных связей. М., 1968.

⁷ Герье В. И. Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871, с. 134 и 142—143.

⁸ Петр I и Астрахань. В брошюре: Полтавская победа. 200-летний юбилей. Издано по постановлению Астраханской городской думы для бесплатной раздачи в день празднования 200-летия Полтавского сражения. Астрахань, 1909.

⁹ Марков А. Были Астраханского края. Волгоград, 1971, с. 53—62.

¹⁰ Штейнберг Е. Л. Первые исследователи Каспия (XVIII—XIX вв.). М., 1949, с. 7—18; Казанчиев Е. Федор Иванович Соймонов. «Волга», 1958, 19 апреля; Марков А. Навигатор Ф. И. Соймонов. «Волга», 1964, 30 окт.

¹¹ Васильев А. Новое о карте Каспия. «Волга», 1968, 23 ноября.

¹² Марков А. Портрет написан в Астрахани. «Волга», 1974, 26 мая.

¹³ Голикова Н. Б. Астраханское восстание 1705—1706 гг. М., 1975.

Г. Э. ГИБШМАН

ГОРОД АСТРАХАНЬ В НАЧАЛЕ XVIII СТОЛЕТИЯ

Местность, на которой располагался город Астрахань в начале XVIII столетия, резко отличалась от той, что мы привыкли видеть в настоящее время. Ближайшие окрестности тогдашнего города, ныне застроенные новыми районами, были заняты озерами (ильменями), болотами, реками и речушками. Кругом стояли заросли камыша и рогоза да отдельные ивы. Среди этого царства воды возвышались бугры Бэра, резко выделявшиеся на общем фоне синевы и зелени своим красноватым цветом. Один из этих бугров, расположенный на берегах Волги и Кутума, стал местом, на котором строился и рос город.

Астрахань состояла из трех частей, которые тесно примыкали одна к другой и дополняли друг друга.

Первая часть — Кремль, административный и военный центр города. Кремль расположен на западной стороне Долгого бугра, представляет в плане вытянутый треугольник, занимающий площадь в 11 га. Внутренние кирпичные стены оканчиваются зубцами, в стенах устроены амбразуры для пушечного боя. По углам Кремля и в пряслах стен встроены семь четырехугольных башен. Три глухие по углам назывались: Артиллерийская, Архиерейская, Крымская. Остальные имели ворота; главная башня, расположенная на восток, — Пречистенская, сообщалась с территорией Белого города; южная — Житная, через нее был ход в Житный двор, представлявший огороженную стенами небольшую отдельную крепость, где хранились хлебные запасы; у берега Волги с западной стороны располагались Красная башня и Никольская, в которой была устроена церковь.

По тому времени Кремль был довольно плотно застроен. С правой стороны по ходу от Пречистенских ворот

было караульное помещение, а далее через улицу — Троицкий монастырь со своими строениями; здесь, в соборной Троицкой церкви, которая сохранилась до сих пор, служил священник Кирила Яковлев, отец В. К. Тредиаковского. В Кремле еще была каменная двухэтажная Приказная изба, около Артиллерийской башни располагался Зеленый двор с каменным подвалом, где хранились знамена, оружие, ядра и порох.

С левой стороны от главных Пречистенских ворот — величавый Успенский собор. Южнее находились здания Архиерейского двора и Духовная консистория; эти сооружения от общей территории Кремля отделялись оградой. И это место прямо связано с жизнью Тредиаковского, «архиерейского дому певчего Василея Кирилова».

В центре Кремля располагался Государев двор, где жил генерал-губернатор; здесь имелись хозяйственные постройки, виноградники; там же находился и двор командира морского флота.

На общей территории Кремля располагались еще дома, где жили дьяки, дома дворян и офицеров; там же жили селитряный мастер, садовник и другие люди разных сословий. Всего в Кремле по переписному списку 1709 г., который был составлен при передаче города от стольника Вердеревского ближнему стольнику и коменданту Чирикову, значилось 131 строение.

Вторая часть Астрахани — Белый город. Это основной торговый район, он вплотную примыкал к Кремлю с восточной стороны и также был обнесен кирпичной стеною, имевшей семь проездных башен. Башня Белого города, стоявшая рядом с кремлевской Артиллерийской, называлась Кабацкой — вблизи был расположен государев питейный дом. А так как рядом же были и Пречистенские ворота Кремля, над которыми висела икона Спасителя, этот питейный дом назывался в простом обиходе «спасительским». Следующая башня называлась Агарянской из-за расположенных на берегу Кутума торговых рядов, где продавались деревянная посуда, мочало, луб, доски и т. д. Далее шли Исадные ворота с пристанью для заходивших в Кутум грузовых судов. Спасская башня и Вознесенская назывались по именам расположенных вблизи монастырей. В южной стене Белого города были ворота Решетчатые и Мочаговские;

возле них стояла стража, они сообщались с Земляным городом (третья часть Астрахани).

Территория Белого города превышала площадь Кремля в три раза и была густо застроена — здесь было 1160 строений. Планировка особой прямолинейностью не отличалась, но все же четко выделялись пять продольных улиц — с запада на восток, и семь поперечных. Улицы были узкие, без мостовых, строения — деревянные и глинобитные, а на возвышенных местах было немало и землянок, которые предпочитались жителями то ли из-за летнего изнуряющего зноя, то ли в опасении частых пожаров.

В Белом городе размещались Русское, Индийское, Армянское и другие торговые подворья с большим количеством лавок. Тут же ряды — мясной, калашный, рыбный, сапожный и другие. Торговые лавки были и во многих домах. У питейного дома возле Кабацких ворот располагались всевозможные харчевни.

На территории Белого города имелись строения таможни, Земской избы, там же были Кружечный, Табачный, Посольский дворы, жили три бургомистра, заведовавшие работой магистрата, продажей водки и пива и государевой рыбной ловлей. Многочисленные церкви, монастыри на фоне всего описанного выше создавали особый колорит города. Лавки, наполненные яркими восточными товарами, коврами, шелками, говорливая толпа, разнообразные одежды, диковинные фрукты, необычные по размерам и виду рыбы — все было непохоже на другие города Русского государства.

Земляной город располагался к югу от Кремля и Белого города и примерно в пять раз превышал площадь, занятую Белым городом; он был окружен мощным земляным валом, в котором насчитывалось 9 проездных и 5 глухих башен. По росписному списку 1709 г. здесь было 1590 строений. Имея в виду немалую территорию Земляного города, эту цифру поставила под сомнение автор книги «Астраханское восстание 1705—1706 гг.» Н. Б. Голикова. Она не учитывает, однако, тогдашнюю топографию города. Эта его часть на две трети была занята озерами и солончаками; лишь в 1744 г. здесь был прорыт канал для осушения; до того строения в Земляном городе размещались только на нескольких возвышенностях.

В Земляном городе было два монастыря и несколько церквей. Застройка носила характер отдельных слобод: Старотатарская, Кузнечная, Пушкарская, Казанская, Староармянская и др. Здесь размещались склады, мучной ряд, торговые бани, кожевенные и кирпичные сараи и другие ремесленные заведения.

Но город рос, и его население не вмещалось в укрепленную зону. Стала застраиваться и береговая полоса около стен Кремля и Белого города. Там были пристани, амбары, возник рынок съестных припасов, стояли пекарни, которые из опасения пожаров не разрешалось строить в самом городе. Постройки пошли и выше реки Кутум по берегу Волги; здесь были лесные склады. В окрестностях города на возвышенностях располагались сады, виноградники, огороды.

По переписному списку 1709 г. в Астрахани насчитывалось 2881 строение, а с учетом тех, которые разместились вне укреплений, их могло быть не более 3200—3300. Это тем более вероятно, что в 1801 г., т. е. через сто лет после описываемого периода, по градской ведомости в Астрахани значилось 3858 строений, из которых только 130 были каменными. Вновь приходится отвергнуть утверждение Н. Б. Голиковой, которая полагает, что в конце XVII — начале XVIII вв. в Астрахани было 6500—7000 дворов. Такое количество просто не могло уместиться на описанных выше территориях. Надо учесть и соображения Е. Я. Водарского в его книге «Население России за 400 лет». На 1701 г. он приводит для Москвы численность дворов 16 353 и численность населения — 200 тыс. чел., т. е. по 12 чел. на один двор. Если для Астрахани принять 6 чел. на один двор, это даст 40—42 тыс. чел., что не могло иметь места: лишь в 1857 г. население Астрахани достигло 41 094 чел. С самой большой натяжкой можно допустить, что в начале XVIII в. население г. Астрахани составляло 21—22 тыс. чел.

Такой знал, такой видел Астрахань Василий Кирилов, будущий поэт и ученый Тредиаковский.

И. И. НАХИМОВ

УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ АСТРАХАНИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII века

В 1744 г. Василий Кириллович Тредиаковский подал в академическую конференцию «Ведомость», сообщая о себе подробные сведения: «Дед и отец мой были священниками. Я... по желанию моего, покойного ныне родителя, словесным наукам на латинском языке, еще в молодых моих летах, в Астрахани, где моя и родина, у римских живущих там монахов учился, а по охоте моей к учению, оставил природный город, дом и родителей, и убежал в Москву»¹.

В связи с этим возникают вопросы: почему В. К. Тредиаковский, сын православного священника, обучался у католических священников, что представляла собой школа, созданная римскими монахами, и как вообще обстояло дело с просвещением в Астрахани во времена В. К. Тредиаковского?

Многие исследователи астраханской старины высказывают мнение о том, что обучение в Астрахани велось и до XVIII в. Один из первых историографов Астраханского края М. Рыбушкин пишет, что обучение детей грамоте началось с присоединения Нижнего Поволжья к Московскому государству, когда царь Иван IV повелел астраханскому игумену при Троицком монастыре обучать детей русских и магометанских, обращенных в православие². Краевед Ф. Ф. Шперк также склонен считать, что учебным делом в Астрахани всегда занималось духовенство, готовя грамотных людей для себя же. Этому от них требовало и решение стоглавого собора (1551 г.)³. Советский историк педагогики Е. Н. Медынский пишет, что после завоевания Казани в 1552 г. там была учреждена епархия. Духовенство получило указание от царя обращать татар, чувашей и другие народы в православие. Де-

тей насильно отрывали от родных семей и помещали в миссионерские школы, где обучали их «закону христьянскому и языку славяно-российскому». «После покорения Астрахани в 1557 г., — пишет Е. Н. Медынский, — такие же школы «нужды ради священства» стали открываться и там»⁴.

Безусловно, с течением времени возникали в Астрахани крошечные школы и школки, никем не учтенные, ни в какие реестры не занесенные. Однако точных данных о том, что в Астрахани до XVIII в. существовало обучение в каких-нибудь упорядоченных формах, не имеется.

Более определенные сведения относятся лишь к XVIII в. Первой школой в Астрахани, о которой имеются достоверные данные, была школа, созданная римскими капуцинами в начале XVIII в.

Как отмечает чешский исследователь А. В. Флоровский, на территории России капуцины утвердились ранее всего в Астрахани⁵. Здесь за несколько лет до 1719 г., т. е. до учреждения капуцинских миссий в Москве и Петербурге, осела небольшая группа итальянских капуцинов.

Академик С. Гмелин, побывавший в Астрахани в 60-х гг. XVIII в., писал: «Немцы... в Астрахани в 1713 году пастора Цехелия для наставления своего в законе призвали и в то время построили деревянную церковь... для построения оной показано было ровное и пространное место на Житном дворе, а потом оное от общества палисадом так обнесено, что церковь, пасторский дом и школа в оном заключались»⁶.

В разное время учителями этой школы были Цехелий, Бонавентури, Иоанн и Патриций Медиоланские, Марк Антоний. Эту школу посещал и В. К. Тредиаковский, где изучал латинский, немецкий и итальянский языки, риторику, философию, музыку и другие науки, составлявшие основное содержание так называемой латинской школы.

Православное духовенство, боясь усиления влияния католиков на православное население губернского центра, пыталось препятствовать деятельности римских монахов. Однако губернатор Артемий Волинский не спешил предпринять какие-либо репрессивные меры против них. На запрос коллегии иностранных дел в 1721 г. он сообщал, что не находит причин не допускать латинских священников для постоянного жительства и деятельности в

городе, «понеже из здешнего такого сурового народа обучаются от них молодые люди латинского и прочих языков»⁷.

Шло второе десятилетие XVIII в., а между тем в Астрахани, центре четвертой по величине губернии России, не было ни одной учрежденной государством или церковью школы. В то же время появлялось немало проектов об организации школьного дела в России. Особый интерес представляет проект немецкого философа Лейбница, представленный Петру I в 1712 г. В нем предполагалось создание в России университетов и школ в Москве, Петербурге, Киеве и Астрахани⁸.

В действительности история систематического образования, организованного в соответствии с регламентом, начинается в Астрахани с создания цифирной школы.

В 1714 г. по указу Петра создаются элементарные государственные школы с математическим уклоном. Указом от 28 февраля 1714 г. Астраханскому митрополиту предлагалось «дворянского и приказного чина, дьячих, подьячих детей от 10 до 15 лет, опричь однодворцев, учить цифири, некоторой части геометрии, а для этого учения присланы будут с Москвы в Астрахань математических школ из учеников несколько человек»⁹.

Указания царя не были выполнены ни в 1714 г., ни в последующие восемь лет, несмотря на то, что в 1716 г. астраханское светское и духовное начальство получило вторичное предписание об открытии цифирной школы, где вместе с «купецкими» детьми обучались бы дети священнослужителей. И, наконец, 10 мая 1722 г. по распоряжению государственной адмиралтейской коллегии в Астрахань был направлен из Петербургской академии учитель Иван Трофимов¹⁰, что следует, вероятно, связать с предполагавшимся приездом в город Петра I. Цифирные школы создавались по инициативе самого государя. Обнаружив, что в губернском центре школа не организована спустя 8 лет после указа, Петр мог бы сурово спросить с тех, кто отвечал за это.

Предполагалось первоначально обучать в школе около пятидесяти мальчиков. Однако архиерей запретил посылать в школу мальчиков, посвященных в «стихари и подьяки», а затем и детей звонарей. Из 23 мальчиков, получивших разрешение учиться, фактически в школу явилось 19. Учебные занятия начались 6 июня 1722 г.

Эту дату и следует считать началом регулярного, по регламенту организованного обучения детей в Астрахани. Состав учащихся был очень пестрым: дворянские дети, дети военных и приказных чинов, половина учащихся — выходцы из семей духовенства. Младшему ученику было 6 лет, старшему — 16¹¹.

Духовенство продолжало вести борьбу против государственных цифирных школ. В 1722 г. сенат вынес решение о том, чтобы детей священнослужителей учить в архиерейских школах, «а арифметике и прочим светским наукам не спрашивать»¹². Выполняя указания высшего начальства, астраханский губернатор и архиерей немедленно распорядились: «Онаго учителя Ивана Трофимова из Ивановского монастыря вывести, а поповских, дьяконовских и церковнических детей послать... в духовный приказ для учения по духовному регламенту»¹³.

Какова судьба первой школы в Астрахани? В очерке о начальном образовании в Астраханской губернии в XVIII в., помещенном в «Астраханских епархиальных ведомостях», указывается: «Что касается математической или цифирной школы, то ее не было в Ивановском монастыре с 1723 по 1727 гг.»¹⁴. Однако в очерке ничего не говорится о том, существовала ли вообще цифирная школа после того, как ее изгнали из Ивановского монастыря и что стало с ее учителем. В других источниках также подтверждается факт кратковременности существования школы Ивана Трофимова. Между тем в книге В. Рождественского «Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX вв.» приводятся статистические данные за 1726 г., где в числе действующих цифирных школ указывается и Астраханская школа с количеством учащихся 37 человек¹⁵.

Исследования В. П. Самаренко значительно пополняют и углубляют имеющиеся сведения по истории первых школ в Астрахани. Он обнаружил в архиве немало так называемых «приговоров» губернатора, в которых упоминается имя учителя Ивана Трофимова и его школа. Имеются указания о выплате Ивану Трофимову жалования, выдаче дров, свечей. Последний раз Иван Трофимов получает жалование за работу в школе в сентябре 1727 г.¹⁶.

Более того, В. П. Самаренко обнаружил документы о том, что вслед за цифирной школой в Астрахани была

открыта гарнизонная школа¹⁷. Указом Петра I и государственной военной коллегии от 2 марта 1722 г. Астраханской губернской канцелярии «велено астраханского гарнизона в гарнизонных полках солдатских, драгунских и протчих служиваго всякого чина людей детей их малолетних учить грамоте, читать, писать и арифметике»¹⁸.

Учителем этой школы губернатор А. Волынский назначил Лаврентия Жильцова. Занятия в школе начались 1 октября 1723 г. Количество учащихся составляло 114 чел.

Цифирная и гарнизонная школы, вероятно, просуществовали до осени 1727 года, когда разразилась страшная эпидемия чумы, унесшая половину населения города. По-видимому, и первые учителя астраханских школ Иван Трофимов и Лаврентий Жильцов стали жертвами моровой болезни, их имена в дальнейшем не упоминаются в делах губернской канцелярии.

Между тем пужда в грамотных людях была большая, и астраханское купечество пытается самостоятельно организовать обучение своих детей. В 1728 г. купцы во главе с откупщиком Тихоном Лошкаревым доносили властям о том, что они за свой счет построили новое школьное здание в приходе церкви Иоанна Златоуста¹⁹. Они просили разрешения обучать своих детей в школе и ходатайствовать перед Синодом о присылке в школу учителя. Временно исправлять должность учителя было поручено Петру Яскольскому. Школа была названа латинской. Синод направил в Астрахань для работы в латинской школе ученика философского класса Московской славяно-греко-латинской академии Павла Горошковского. В направлении, выданном учителю, говорилось, что Горошковский по образованию «философ», по своей науке он «конструкцию и риторику латинских диалектов разумеет»²⁰.

Первоначально в школе занималось 32 ученика, но затем количество учащихся выросло до 41. Среди них были дети купцов, дворовых, врачей, солдат. Пестрым был и национальный состав: русские, армяне, калмыки, персы. Ученики были разделены на три группы. В первой твердили азбуку, букварь и часослов, во второй читали псалтырь, а в третьей учили латинский язык и грамматику. Разделение это было формальным, обучение проходило индивидуальным путем: каждый учил свой урок.

Учитель П. Горошковский терпел большую нужду. Доведенный до крайнего состояния, он вынужден был обратиться к губернатору с челобитной, где писал о том, что купцы по своему «обязательству как денежного, так и хлебного жалования сего 731 году на генварскую и майскую трети також и дров ему не выдали». Вместе с этим Горошковский обратил внимание губернатора на то, что «многие купцы детей своих из школ побрали, а вновь никого в школу не отдают»²¹, и просил губернатора обязать купцов вновь направить в школу своих детей.

Губернатор и архиерей пытались оказать воздействие на купечество и духовенство с тем, чтобы они детей направляли в школу. Результат был самый неожиданный: купцы решили школу закрыть. В «приговоре» астраханское купечество записало: «18 января 1731 года Астраханское купечество от вышних до нижних согласно приговорили и мнение своё подписали, что Горошковский для обучения детей их словяно-латинского диалекта и ныне и впредь не надобен понеже по указу купецких детей велено обучать немецкому языку и арифметике, а латинскому диалекту обучение купечеству не приличествует: и того ради они для детей своих латинскому языку обучать не желают и оного Горошковского от этой школы отрешили и желают отпустить попрежнему, а требовать другого учителя... впредь будут»²². Школа, организованная на манер «латинской», не отвечала нуждам купцов в быстром овладении их детьми практической грамотностью: читать, писать и считать. Тратить деньги на латинскую и церковнославянскую премудрость купцы считали излишним.

К тридцатым годам XVIII в. относится начало школьного обучения детей нерусских народностей, населявших Астрахань и губернию. В середине двадцатых годов XVIII в. для обращения калмыков в православие Синод направил миссионера — священника Никодима Ленкевича, вместе с ним было послано несколько человек «школьников», воспитанников славяно-греко-латинской академии²³. Ленкевич находился постоянно в Ивановском монастыре, а «школьники»-учителя периодически выезжали в калмыцкие улусы и хотоны, где обучали детей крещеных калмыков русской грамоте. Сенатским указом 14 февраля 1732 г. было решено создать в Астрахани школу для калмыков. В указе говорится: «В Астрахани

при Ивановском монастыре для обучения новокрещенных калмыцких детей русской и калмыцкой грамоте училищу быть и, для лучшей к тому учению охоты, тем ученикам жалования давать против солдатских детей, которые учатся в гарнизонных школах, а кои будут в науке выходить к совершенному знанию читать и переводить с русского на калмыцкий и с калмыцкого на русский, тем чинить сверх того прибавку...»²⁴.

Из указа видно, что правительство преследовало не столько миссионерские цели, сколько государственные: нужны были люди, хорошо знающие калмыцкий и русский языки для административной и торговой деятельности.

В тридцатые годы XVIII в. было предпринято еще несколько попыток организовать учебные заведения в губернском центре. В 1739 г. по указу Синода была создана архиерейская школа, учителем в нее был назначен Петр Яскольский. Учеников было не более 25 человек, исключительно детей духовенства. Но просуществовала школа не больше года и была закрыта в связи с неспособностью учителя к преподаванию наук²⁵.

Значительное время действовала так называемая монастырская школа, организованная в Спасском монастыре в 1741 г. «для обучения русской грамоте русских безродных болдырей, а также новокрещенных из разных вер детей»²⁶. Число обучавшихся в этой школе доходило до 50. Затем школа была передана в архиерейский дом, где и просуществовала до 1777 г., то есть вплоть до открытия в Астраханской епархии духовной семинарии.

1 марта 1734 г. была возобновлена и затем продолжительное время действовала гарнизонная школа²⁷. Находилась она в Солдатской слободе, размещаясь в ветхих глинобитных домиках. Лишь в 1764 г. по указу Екатерины II школа была переведена в Кремль в Троицкий монастырь. Содержалась школа скудно, на средства, выделяемые Военной коллегией и на процентные отчисления от «экономических доходов и пошлинных сборов с персидской торговли». В первое тридцатилетие существования школы число учащихся не превышало 150, а наибольшее количество воспитанников доходило позднее до 300. Прием учащихся проходил круглый год. Значительную часть школьников составляли великовозрастные парни, некоторые из них после десяти-тринадцатилетнего

пребывания в школе заканчивали ее, умея лишь расписаться. По завершении выпускники давали обязательство: «по отставке шпагу и немецкое платье носить буду, а по миру ходить и милостыню просить не буду».

Учебного плана, который бы строго определял общее число предметов, количество часов и распределение по годам обучения, не было. Существовало предписание обучать воспитанников русскому языку, немецкому, армянскому, турецкому и калмыцкому языкам; арифметике, геометрии, фортификации, артиллерии, географии, навигации, истории, рисованию, а также слесарному, кузнечному, коновальному, цирюльному делу и барабанному искусству. Многие военные чины, определенные в учителя, сами были плохо подготовлены. Так, например, подполковник инженерной службы Левин доносил начальству, что из числа офицеров и капралов «к обучению школьников выбрать некого»²⁸.

О работе гарнизонной школы в родном городе постоянно заботился В. К. Тредиаковский. Он подыскивал в Петербурге и рекомендовал в школу достойных учителей. Через канцелярию школы жители города выписывали сочинения Тредиаковского (книжного магазина в Астрахани не было). Так еще при жизни ученого его печатные труды способствовали распространению знаний в его родном городе²⁹.

Гарнизонная школа просуществовала несколько десятков лет и, несмотря на неблагоприятные условия, подготовила много сотен грамотных людей. Для своего времени это единственное светское учебное заведение в Астрахани сыграло положительную роль в просвещении народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по статье: Самаренко В. П. В. К. Тредиаковский в Астрахани. В кн.: XVIII век, сб. 5. М., 1962, с. 359.

² Рыбушкин М. Записки об Астрахани. М., 1841, с. 157.

³ Шперк Ф. Ф. Краткий исторический очерк народного образования в Астрахани. «Астраханский листок», 1893, № 20.

⁴ Медынский Е. Н. История русской педагогики. М., 1939, с. 28.

⁵ Флоровский А. В. Лагинские школы в России в эпоху Петра I. В кн.: XVIII век, сб. 5. М., 1962.

⁶ Гмелин С. В. Путешествие по России, ч. II. СПб., 1777, с. 166.

⁷ Саввинский И. Католики и лютеране в Астрахани. Астрахань, 1902, с. 12.

⁸ Сборник писем и материалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. СПб., 1873, с. 218.

⁹ «Астраханские епархиальные ведомости», 1877, № 20, с. 9.

¹⁰ Там же, с. 10.

¹¹ Там же, с. 11.

¹² Гос. архив Астраханской области (ГААО), ф. 394, оп. 1, ед. хр. 22, л. 43.

¹³ «Астраханские епархиальные ведомости», 1877, № 21, с. 9.

¹⁴ Там же, № 22, с. 13.

¹⁵ Рождественский В. Очерки по истории систем народного образования в России в XVIII—XIX вв., Т. I. СПб., 1912, с. 137.

¹⁶ ГААО, ф. 394, оп. 1, ед. хр. 15, л. 124, ед. хр. 53, л. 38.

¹⁷ Самаренко В. П. Первые школы в Астрахани. «Комсомолец Каспия», 1966, 30 сент.

¹⁸ ГААО, ф. 394, оп. 4, ед. хр. 11—12, л. 32.

¹⁹ «Астраханские епархиальные ведомости», 1877, № 24, с. 9.

²⁰ Там же, № 26, с. 7.

²¹ ГААО, ф. 394, оп. 1, ед. хр. 5, л. 80.

²² «Астраханские епархиальные ведомости», 1877, № 26, с. 14.

²³ ГААО, ф. 394, оп. 1, ед. хр. 198, л. 230, 231.

²⁴ Полное собрание законов Российской империи, № 5960, 14 февраля 1732 г.

²⁵ Шперк Ф. Ф. Краткий исторический очерк народного образования в Астрахани. «Астраханский листок», 1893, № 20.

²⁶ Описание Астраханского Спасо-Преображенского монастыря. Астрахань, 1893, стр. 57.

²⁷ Самаренко В. П. Первые школы в Астрахани. «Комсомолец Каспия», 1966, 30 сент.

²⁸ ГААО, ф. 394, оп. 1, ед. хр. 2624, л. 77.

²⁹ Самаренко В. Первый академик. Памяти В. К. Треди-аковского. «Волга» (Астрахань), 1969, 17 августа.

А. С. МАРКОВ, В. А. ПОПОВ

АСТРАХАНСКИЕ ЗНАКОМСТВА В. К. ТРЕДИАКОВСКОГО

Удивительные подчас случаются находки. Массивная книга на латинском языке, с печатью римско-католической церкви в Астрахани, обложенная тисненым пергаментом. На лицевой стороне переплета на пергамент наклеена старинная гравюра, изображающая печатный цех в каком-то немецком городе. Это «Конкордация», а более подробно — «Наиполнейший указатель священных книг обоих Заветов, кои единогласно великими называются. Издана в Базеле Иоанном Гернагием, в год 1561».

Книгу мы отыскиали у астраханской жительницы, которая считала ее просто церковной и совершенно ненужной. Может быть, поэтому книга и уцелела, заваленная хламом в тиши подвала. «Конкордация» интересна не только из-за своей древности. Еще интересней оказались письма, вклеенные между обложкой и титульным листом.

Первое письмо написано купцом Федором Чепраковым купцу Панкратию Курочкину.

«Милостивый ко мне государь и четивейший господин Панкрат Антипович, желаю вам, моему особливому благодетелю здравия и долголетия на многие лета.

По премногу вас, государя моего, благодарствую, а именно за приятное ваше письмо, которое получил через рейтара Михаила Зубова, чем немало порадовался, к тому же благодарю еще за прилежное твое учение и не оставление сына моего, которого паки с покорностью поручаю в ваше рассмотрение, а что же изволите писать, что начал учиться латинского языка у господина патера Феликса, оному немало радуюсь, что вы его по моей охоте в учение пригласили. Прошу и впредь не оставлять содержать в своей милости, за которую вышний творец сугубо вам воздаст.

Ваша милость, господин мой, изволил писать о покуп-

ке книги на латинском языке, называемую Конкорда-
цией, о которой господину Василию Кирилловичу Тре-
диаковскому объявлял, на которое мое объявление изво-
лил сказать, что нигде отыскать оной книги негде,
разве-де выписать из Голландии, однако же здесь по-
ищем, и сыскав, к вам пришем. А письмо ваше к нему
от меня вручено и впредь пространно обо всем уведомить
и с оказиею писать.

Окончив, остаюсь вам, моему государю и благодете-
лю, к услугам вашим готовый, покорнейший слуга Фе-
дор Чепраков.

Августа, 3 дня, 1737 года, Санкт-Петербург».

На обороте письма адрес: «Государю моему Панкра-
тию Антиповичу, Его милости Курочкину в Астрахань».

Еще одно письмо Федора Чепракова. Он уведомляет
Курочкина об уплате двадцати рублей приказчику некое-
го Луки Исаевича Шермакова. Чепраков был поверен-
ным Панкратья Антиповича по торговым делам в Пе-
тербурге. Он, видимо, так подолгу бывал в столице, что
поручил обучение и воспитание своего сына Курочкину.

Но, что самое замечательное, Курочкин был в боль-
шой дружбе с Тредиаковским — первым русским поэтом
и ученым, о чем нет никаких данных в научной литера-
туре. Вообще о связях Тредиаковского с родным городом
мы знаем очень мало.

Мы знаем, что Тредиаковский обучался у монахов-
капуцинов при римско-католической церкви, где приоб-
рел блестящие знания латинского и итальянского язы-
ков. В этой же школе, вероятно, брал уроки латинского
языка купец Курочкин. Вот откуда могло произойти зна-
комство Панкратья Курочкина с Тредиаковским.

Когда Петр I находился в Астрахани и готовился к
походу в Персию, Курочкин поднес императору 10 тыс.
рублей для нужд армии. Об этом есть сообщение в «Клю-
чаревской летописи» (Астрахань, 1887 г.) и в «Записках
об Астрахани» Рыбушкина. Петр I в ответ посетил дом
купца Курочкина, подарил ему соляные озера в 35 вер-
стах от города.

«Конкордация» показывает нам Курочкина еще одной
гранью — большой начитанностью. На обратной стороне
обложки «Конкордации» наклеен подорожный лист
Московской таможни:

«По указу ее Величества Государыни императрицы Елизаветы Петровны, самодержицы всероссийской...

Отпущено из Московской большой таможни до Астрахани астраханскому купцу Панкрату Курочкину из оставшегося в Москве дому ево в дом ево же в городе Астрахани старых печатных книг двести десять, да письменных в тетрадах двадцать семь. И оные книги и при них испорченные медные часы до показанного города Астрахани пропускать без задержания.

У сего пропуска Ея Императорского Величества Московской большой таможни печать.

Дан апреля, 2-го дня, 1746 года, а выше названные книги и часы положены на одном возу за тремя таможенными печатями».

Купец Курочкин вез книги не на продажу. Это была его личная библиотека, а вернее, часть библиотеки. Множество книг находилось у него в Астрахани. Как видно из подорожного листа, были у него и рукописные книги — «письменные книги в тетрадах».

О Федоре Чепракове, передавшем просьбу Курочкина о книге Тредиаковскому, печатных данных найти не удалось. Тогда мы обратились к документам областного архива. В фонде № 1 канцелярии Астраханского губернатора за 1734 г. отыскалась челобитная жены купца Федора Чепракова Анны Ивановой (оп. 17, д. 3, л. 20). Из челобитной видно, что Чепраков поставлял лошадей для драгунских полков. Это же подтверждает другой документ (л. 47). Небезынтересен и тот факт, что письмо Курочкина Чепракову передал в Петербург рейтар Михайло Зубов. Видимо, его поездка в Астрахань тоже была связана с покупкой лошадей.

Приведенное выше письмо Федора Чепракова свидетельствует, что в 1737 г., будучи секретарем Академии наук, Тредиаковский поддерживает связь с Панкратием Курочкиным, обещает достать нужную Панкратию Антиповичу книгу, редкую в то время «Конкордацию». То, что письмо было вклеено именно в «Конкордацию», наводит на мысль: прислал ее в Астрахань именно Тредиаковский.

Оказалось, это не так. Есть еще надпись, сделанная на титульном листе на итальянском языке. Ее содержание таково: «Дар от Джузеппе далле Чезе капуцинам-настоятелям и собратьям своим патеру Джиобатисте да

Тосичиа и патеру Феличе, магистру Болоньи, в год 1733, в Астрахани». И, наконец, еще одна надпись, уже по-русски, где говорится, что «Конкордация» получена «через старательное прошение и на перемену Московской библии от преосвященного Иллариона, епископа Астраханского и Терского, и от господина патера Феликса купцу Панкратию Антипову Курочкину, 1739 год...».

Таким образом, книга, которую не могли найти в Петербурге и собирались выписывать из Голландии, имевшая у капуцина Джузеппе в Астрахани, была им подарена патеру Феликсу (Феличе) и уступлена, наконец, купцу Курочкину.

Но и этим не исчерпывается содержание записей и вклеек в «Конкордации». Между письмами Чепракова вложено стихотворение, силлабические вирши под заглавием «Песня».

Мире лукавы, скорбми исполнены,
Коль ты нетверды, коль несовершенны,
Коль суть не благи твои здесь утехи,
Коль суть плачевны радости и смехи.
Коль беспокойны твои честь и богатства,
Ветер дым ничтоже — все непостоянства.
Цветут в един час, в другой увядают.
Днесь на престоле, завтра низ падают.
Мнятся нам сладки твои здесь забавы,
Сластьмы изнуренны суть них наши правы.
Похоти смыслу зрети препятствует.
Горькое сладким быть показывает.
В высоких сущи всяк в мире гордится,
Мнят же богаты, что смерть их боится.
Что нам в богатстве еще смерть царствует,
Иных собирает, других наследствует.
Что нам за прибыль от чести бывает,
Когда смерть ранги весьма презирает.
Едина ибо мысль бедных да будет,
Как судья в тот день страшный прибудет.
Спросят нас бедных там вскоре ответа
Почто теряли всеу наши лета?

Автор направляет острие против сильных мира сего, бичует богатство и роскошь, прогнившие права дворянства. Не боится сказать и о непрочности сидящих на престоле.

Неизвестно, кто автор стихотворения и кто его передал Курочкину. Но оно лежит в книге рядом с письмом, где упоминается имя Тредиаковского.

Б. А. УСПЕНСКИЙ

ТРЕДИАКОВСКИЙ И ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Языковая программа Тредиаковского в 30-е — первую пол. 40-х гг. в значительной мере предвосхищает позднейшие выступления карамзинистов, обнаруживая настолько разительное с ними сходство, что в этом плане Тредиаковский может рассматриваться как предтеча карамзинизма. Общеизвестно, какое большое значение имела так называемая реформа Карамзина для последующей судьбы русского литературного языка. Сходство языковой программы Тредиаковского и карамзинистов позволяет видеть в деятельности молодого Тредиаковского начало того процесса, который получает окончательное оформление и более или менее широкое признание только к концу XVIII в.

Так же, как и карамзинисты, Тредиаковский в первый период своего творчества ориентируется на западноевропейскую языковую (и литературную) ситуацию, стремясь перенести ее на русскую почву, т. е. организовать русский литературный язык по подобию литературных языков Западной Европы, создать здесь литературный язык того же типа, что западноевропейские литературные языки (в обоих случаях актуальными оказываются языковые теории Вожла). Отсюда — требование сближения литературного языка с разговорной речью, ср. установку Тредиаковского на «употребление», соответствующую апелляции карамзинистов к «вкусу» (характерно вместе с тем, что необходимость обращения к вкусу как к эстетическому критерию фактически провозглашается уже в первом программном выступлении Тредиаковского — предисловии к «Езде в остров любви»). Отсюда же, в свою очередь, — протест против «славенщины», т. е. против славянизмов в той мере, в какой

они ощущаются как таковые, и в конечном счете требование писать как говорят. При этом дело идет о языке, который призван прежде всего обслуживать новые жанры художественной литературы, связанные с западноевропейским культурным влиянием (ср. предисловие к «Езде в остров любви», 1730 г.), но в принципе должен также распространиться и на старые, традиционные жанры (ср. предисловие к «Слову о терпении и нетерпеливости», нач. 1740 гг.). Ориентация на разговорную речь прямо связана как у Тредиаковского, так и у карамзинистов с социолингвистическим расслоением общества: в обоих случаях имеется в виду подражание «легкости и щеголевитости речений изрядной компании», «общее учтивое употребление», «искуснейшего дворянства», т. е. установка на речь дворянской элиты. Поскольку социальный диалект дворянства ярче и отчетливее всего выражался в так называемом «щегольском» жаргоне, постольку в обоих случаях можно констатировать определенную связь с «щегольской культурой» («Езда в остров любви» пользовалась огромным успехом у столичных щеголей; в ряде случаев Тредиаковский узаконивает в литературном языке то употребление, которое идет именно из этой среды; что касается карамзинистов, то их связь с «щегольским наречием» представляется совершенно очевидной). Ориентация молодого Тредиаковского на французскую языковую культуру вообще в какой-то мере предвосхищает галломанию второй пол. XVIII в. Наконец, показательны и конкретные фразеологические схождения между Тредиаковским и карамзинистами, проявляющиеся, в частности, в номенклатуре эстетических понятий и оценок (ср. одинаковое употребление эпитетов *жест/о/кий* и *нежный* применительно к антитезе «славенской» и «русской» языковой стихии, причем «русская» языковая стихия включает в себя и европеизмы; именно Тредиаковский, по-видимому, ввел в литературное употребление слово *вкус* как семантическую кальку с французского — столь важную затем для карамзинизма; знаменательно, что во всех этих случаях обнаруживается связь и с «щегольским» употреблением). При этом в своей языковой практике Тредиаковский фактически предвосхищает призыв Карамзина «давать старым [словам] некоторый новый смысл, предлагать их в новой связи» (ср., например, употребление славянизма *образование* в

новом значении, соответствующем лат. *imaginatio* или фр. *imagination* и т. п.).

Связь лингвистической идеологии карамзинизма с программой Тредиаковского (в первый период его творчества) была вполне очевидна как для карамзиниста Вяземского (отчасти и для Пушкина), так и для «архаистов» Бахтина и Катенина. Эта связь могла реально осуществляться, в частности, через А. А. Барсова, который испытал непосредственное влияние Тредиаковского и, со своей стороны, оказал значительное влияние на Карамзина (ср. статью Карамзина о Барсове: «Великий муж русской грамматики»). Знаменательно также указание на чтение «Езды в остров любви» в письме А. А. Петрова к Карамзину от 11 июня 1785 г.

Между тем во второй половине 40-х гг. Тредиаковский резко меняет свою концепцию литературного языка. Замечательно, что если подход карамзинистов к литературному языку соответствует позиции раннего Тредиаковского, то подход их литературных противников — «архаистов» (Шишкова, Боброва и др.) соответствует позиции того же Тредиаковского, но уже во второй период его творчества. Действительно, если в первый период Тредиаковский ориентируется на западноевропейскую языковую ситуацию, то во второй период он исходит из признания специфики языковой ситуации в России по сравнению с ситуацией во Франции или Германии и провозглашает необходимость дистанции между литературным и разговорным языком, как это имело место и ранее — в условиях церковнославянско-русской диглоссии, когда литературным языком был язык церковнославянский (см. особенно эпиграмму на Сумарокова, статью о правописании 1755 г. и предисловие к «Тилемахиде»). По существу, речь идет именно о воссоздании ситуации диглоссии в специальных рамках гражданского языка. Отсюда установка на «двойное употребление» («двойственный диалект»), причем отношение между литературным и разговорным языком строится по принципу диглоссии. Очень характерно в этом плане стремление привести во взаимно-однозначное соответствие литературные и разговорные формы, отчетливо проявляющееся в глоссах у Тредиаковского: отношения между литературной и разговорной речью явно копируют отношения между церковнославянским и русским языками. Литера-

турный («славенороссийский») язык понимается Тредиаковским как язык книжный, письменный по преимуществу; он искусственно создается, отталкиваясь от разговорного («самого общего») языка; отсюда характерное словотворчество Тредиаковского, очень близкое к тому, что имеет место у пуристов конца XVIII — нач. XIX вв. Таким образом, являясь традиционалистом в самом отношении к литературному языку (поскольку он следует традиционной для России схеме отношений между литературным и разговорным языком), Тредиаковский выступает как новатор в творимых им формах этого языка (в точности тоже самое может быть сказано, например, и о С. Боброве). «Славенороссийский» (т. е. светский литературный) язык фактически противостоит у Тредиаковского как «российскому» (разговорному), так и «славенскому» (церковнославянскому) языку, но при этом имеет место явная ориентация «славенороссийского» языка на «славенский»: таким образом «славенороссийский» язык предстает как результат искусственной архаизации разговорного языка за счет книжно-славянской стихии, осуществляемой прежде всего в лексическом плане. «Славенский» язык провозглашается Тредиаковским «мерой чистоты» русской речи; тем самым, «скудость и теснота французская» может противопоставляться теперь «богатству и пространству славенороссийскому» (предисловие к «Тилемахиде»). Совершенно очевидно, что эта позиция очень близка к концепции литературного языка у «архаистов» конца XVIII — начала XIX вв. (ср. высокую оценку Тредиаковского у Радищева).

Итак, в языковой и литературной полемике конца XVIII — начала XIX вв., в спорах «архаистов» и «новаторов» как бы отражаются различные этапы эволюции взглядов Тредиаковского на литературный язык. Можно полагать, что в деятельности Тредиаковского заложены предпосылки последующих концепций русского литературного языка: здесь намечены наиболее радикальные концепции литературного языка, определяющие экстремальные возможности его эволюции. Тредиаковский опережает свое время, и в этом, вероятно, одна из причин непризнания его современниками; когда его идеи по существу получили признание, отношение к нему было уже определено.

Если иметь в виду отмеченную выше общность языко-

вой программы Тредиаковского и карамзинистов и вместе с тем то обстоятельство, что в 30-е гг. более или менее сходную позицию занимают такие авторы, как Аодуров, Ломоносов и Кантемир, то эволюция русского литературного языка в послепетровский период предстаёт не в виде последовательного процесса русификации (постепенного отказа от церковнославянского языкового наследия), идущего по прямой линии, а в виде чередующихся колебаний между полюсами, ассоциирующимися со «славенской» и «русской» языковыми стихиями (при том, что понятия «славенское» и «русское» взаимозависимы — негативно ориентированы, т. е. антитетически определяются одно через другое — и соответственно, на каждом этапе эволюции меняют свое содержание). Иными словами, в процессе эволюции имеет место попеременная ориентация на «книжную» и «некнижную» языковые стихии (причем «книжное» и «некнижное» на каждом этапе наполняются конкретным лингвистическим содержанием в зависимости от того, какова исходная точка развития). Обе ориентации представлены при этом в деятельности самого Тредиаковского — на разных этапах его творчества.

Ю. С. СОРОКИН

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И РЕЧЕВАЯ ПРАКТИКА МОЛОДОГО ТРЕДИАКОВСКОГО

(Перевод романа П. Тальмана «Езда в остров любви»)

Выступление молодого Тредиаковского, только что вернувшегося из-за границы, с переводом романа П. Тальмана признается имеющим принципиальное значение для нашего литературного языка, отражающим переориентацию на новые языковые нормы, на новую стилистику. Предисловие Тредиаковского к переводу, где речь идет о принципах перевода и об отношении к традиционным языковым нормам, рассматривается как выражение вполне определенной программы. Словам переводчика о том, что он эту книгу «не славенским языком перевел, но почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собой говорим», придается более широкий и категорический смысл, чем они в себе непосредственно заключают. Не всегда обращается внимание на скромное, но ограничивающее это утверждение переводчика об обращении к «простому русскому слову» словечко *почти*. Термин *славенищина* вместе с приданным ему характерным ироническим эпитетом *глубокословная*, относится обычно к славянскому (церковнославянскому) языку в целом и расценивается как утверждение переводчика об отказе от славянизмов при переводе галантного французского романа. Короче говоря, позиция переводчика «Езды» расценивается как позиция решительного и смелого реформатора, стремящегося сблизить письменный и разговорный язык и построить литературный язык на чисто русской основе. Вместе с тем на дальнейшую эволюцию Тредиаковского, писателя и филолога, смотрят как на отступление от этих провозглашенных в 1730 г. принципов. Это «отступничество» объясняется более всего «экстралингвистическими» факторами — вынужденными уступками церковнической реакции; отча-

сти — и собственно языковыми причинами — недостаточной подготовленностью разговорного языка того времени для его литературной канонизации, невозможностью оторваться от сильной еще традиции сочетания русской и славенской стихий в норме литературного употребления, наконец, несостоятельностью самих творческих сил Тредиаковского-писателя в этой попытке придать гармонически единый характер письменной языковой норме. Такая концепция впервые со всей отчетливостью была выражена в статье С. М. Бонди к изданию стихотворений Тредиаковского в 1935 г. Она была принята В. В. Виноградовым и Г. О. Винокуром, а позднее стала общим достоянием в различных изложениях истории русского языка.

В противоречие с этой прочно утвердившейся концепцией вступала только статья П. О. Потапова «К вопросу о реформе русского литературного языка в первой половине XVIII в.»¹. Там эта концепция критиковалась за то, что в ней приняты на веру слова Тредиаковского из предисловия к «Езде» об его отказе от «славенского» и не учтены языковые факты, щедро представленные в самом переводе. Полемически заостренные выводы автора этой статьи сами принимали, однако, явно парадоксальный характер. Признавая за Тредиаковским, наряду с Ломоносовым и Сумароковым, реформаторскую роль в формировании новой нормы литературного языка в XVIII в., П. О. Потапов считает невозможным отнести это к первому переводу Тредиаковского, который, «сочиняя свое предисловие, совсем не думал о принципиальном разрыве с церковным языком и переходе на простой русский язык»; язык перевода — вполне дитя своего времени с характерной еще для него, по выражению П. О. Потапова, «безразборностью», т. е. смешением старого и нового, церковнославянского и русского и т. д. Начало утверждения Тредиаковским новых языковых норм Потапов без дальнейших объяснений связывает с началом переводческой деятельности Тредиаковского в Петербургской академии в 1732 г. Внимания заслуживает утверждение П. О. Потапова, что слова Тредиаковского о «темноте» славянского языка и его ирония над «глубокословной славенщицей» и над славянскими «речеточцами» имели в виду не церковный язык в его целом, а отдельные моменты его, особенно выпукло выдвигаемые

чересчур горячими сторонниками «славенщины». Но что это были за «моменты», остается у П. О. Потапова не выясненным.

После появления статьи П. О. Потапова язык «Езды» не был предметом детального рассмотрения в свете высказанных о нем общих суждений. Здесь делается попытка такого краткого анализа и обзора. Она опирается на составленный полный словоуказатель по всему тексту перевода (всего в этом тексте употребляется 2243 отдельных слова). Существенное значение имеет прямое сопоставление текста с текстом французского оригинала.

Перевод ГрEDIAKовского вообще отличается точностью, нередко буквализмом в передаче французского текста. Не только прозаические фразы повествования, но и отдельные стихи лирико-поэтических включений в это повествование точно следуют за фразами и стихами оригинала. Иногда они грешат очевидными солецизмами, галлицизмами оборотов и т. д. Ср., напр.: «Всякая черта лица ея была совершенно правильная» (100²; *les traits de son visage étoient parfaitement réguliers*, 139)³; «румянец играл на том весьма живой» (фр. *le teint vif*); «и казалось все стати и прикрасы в ней жилище (ср. фр. *demeure*) свое имели», и т. п. Однако вопреки утверждениям Потапова, число прямых лексических варваризмов, в частности галлицизмов, весьма ограничено (всего 37 слов, причем среди них преобладают слова не новые даже и для петровского времени; ср. вирши, гистория, комедия, музыка, персона, секретарь, танец, фортуна).

При всей его точности и даже буквализме перевод дает, однако, некоторые смысловые дополнения и уточнения, еще чаще представляет стилистические трансформации французского текста. Ср. «Одне называют его Разговором, другия Переговором; но я уведомился верно от некоторых что он называется Толк» (128). Все это соответствует имени аллегорического персонажа, одному слову оригинала: *L'Eclaircissement*.

Сравнительно с французским текстом, где галантный аллегоризм и легкая нравоучительность уложены в традиционные правильные и хорошо отшлифованные литературные формы, отвлеченные от какой-либо резкой характеристики, русский перевод не только более «веществен» и конкретен, но в отдельных случаях огрублен и заменяет изящно-куртуазную перифразу натуралисти-

ческими деталями. В этом легко убедится каждый, сопоставив, напр., стихотворение, живописующее измену Аминты (стр. 86 «Езды») с его прототипом (на стр. 121—122 французского издания). Заметно, что переводчик не просто переводит с языка на язык, но стремится в таких случаях «перевести» своих читателей в круг более привычных им представлений. Аристократическая галльская галантность подменяется шутливо-грубоватой, а то и грубой русской простонародностью. Заметны некоторые влияния фольклорных традиций, отражавшихся, как известно, и в стиле русской оригинальной повести второй половины XVII—XVIII вв. Ср.: «Я ни мало немешкая побежал от них обеих, и бежал все грунюю (т. е. рысю.— Ю. С.) даже до одного местечка» (140, во фр. тексте только гл. *cougus*); «Недопустила мне того учинить одна превеликая бабища очень дурная (*une grande femme fort laide*), и взгляду свирепаго, у которой оба глаза выпучились изолбу. Сия старая корзовка (*cette femme*) руки имеет долгиа и высохлыа, а почти как львиныа» (*des ongles prodigieux*) (33; фр. текст. 47—48). Фр. *belles* передаются как *красные девушки* (см. 137); *courtisans* как *пригожие молодцы* (102), *une personne* как *боярыня* (115) и т. п.

В этих случаях очевидна ориентация молодого переводчика на русское просторечие, отчасти на фольклорную традицию и на традицию рукописной повести первой четверти века. Его переводческий эксперимент носит действительно в этом смысле «почти русский» разговорный характер, особенно если принять во внимание еще бесспорно слабую нормированность в это время разговорной речи даже высшего социального круга.

Стилистически заметное положение занимает при этом и просторечие экспрессивного характера, нередко даже такие слова и формы, которые, по лексикографической терминологии XVIII в., следует причислить к «простонародным». Подобная лексика не только встречается как в прозаическом повествовании, так и в лирико-поэтических стихотворных эпизодах, но в последних является даже более свободно, сталкиваясь там с типичной книжностью. Ср., напр.: *бабища*, *божба*, *докука*, *дурковатый*, *жаль*, *жонка*, *журить*, *забияка*, *кручина*, *нагохонек*, *помога*, *смагить* и т. п.; некоторые из этих слов являются областными: *корзовка*, *свар* (в стихах: «Две де-

вы в твоём сердце вместятся без свару», 103); *слука* (в стихах: «дабы всегда иметь с любовником слуку», 119; ср. у Даля: *Арх.* Любовь или дружба) и др. В тех случаях, где язык располагал вариантами, из которых один был связан с церковнославянской традицией, а другой — с русской, отдаётся предпочтение переводчика последним. Ср. только полногласные формы: *волосы* (2 р.), *вороты* (8 р.), *голова* (2 р.), *золотой*; или явное преобладание русских форм (*город* — 22 р., *град* — 1 р. — в стихах).

Наконец, следует отметить и еще одну характерную особенность перевода. Впервые в издании «Езды» Тредиаковский обращается к письму «по звонам»: *зависный, злосливый, ленокный, ненасье, сласный, часник* (44—участок) и т. п. Характерно, что значительная часть подобных написаний выступает в стихах.

Каково же место в тексте «Езды» славянизмов, элементов церковнославянского источника? Общее число таких элементов весьма значительно. Слова переводчика об отрицательном отношении его к «славенщизне» ни в коем случае нельзя распространять на весь круг лексики этого источника. Но вместе с тем нельзя признать отвечающим действительности утверждения П. О. Потапова, что язык перевода «переполнен всякого рода славянизмами, многие из которых для значительной части читателей должны были представляться не только режущими ухо, но и совершенно невразумительными». Напротив того, на основании учета всех этимологических славянизмов, встречающихся в тексте «Езды», мы должны будем признать многие из них вполне обычными для письменного языка того времени, в самых различных его жанрах, вплоть до языка деловых официальных документов. Ср. *благополучие, великолепный, взирать, возвратить, воспоминать, пренебрегать, смрадный, услаждать, хранить, юность* и мн. др. Их никак нельзя ставить в счет при определении удельного веса «славянизма» в языке перевода. Но в переводе встречаем и славянизмы более специфического характера, не являвшиеся стилистически нейтральными, славянизмы, имевшие русские соответствия в обиходной речи. Можно заметить, что хотя круг таких слов и форм довольно обширен, их употребительность в тексте перевода, во-первых, не слишком высока, во-вторых, они часто выступают в стихотвор-

ных эпизодах, а не в прозаическом повествовании. Ср. *благосердый* (1 р.), *благословно* («Тогда я благословно начал приветствовать всем нещастиям, которые я претерпел», 43), *велегласно*, *вельми* (1 р., при очень частом употреблении *весьма* и *очюнь*; *зело* — 7 р.), *вещать* (2 р. в стихах), *како* (2 раза в стихах при 101 случае *как*), *се* (2 р. в стихах, в прозе только *вот*), *хладный* — 1 р. в стихах (по ср. *холодность* — 4 р.) и т. п. Что же, при столь обширном наборе славянизмов (хотя бы и не столь частых в основном прозаическом тексте) Тредиаковский имел в виду, утверждая, что он перевел Тальмана «не славенским языком»? Для точного ответа на этот вопрос надо учесть те славянизмы и архаические формы, которых нет или почти нет в тексте перевода «Езды», но которые представляли собою опорные элементы, характерный признак языка большого ряда других книг этого и ближайшего времени, многих переводных и оригинальных произведений, достаточно обильно появлявшихся еще в петровскую пору. Речь идет не только о произведениях конфессиональной литературы, представляющих позднюю редакцию церковнославянского языка, но и о многих переводах научных книг, исторических сочинений, также и об оригинальных и переводных произведениях художественного характера — о виршах, драмах, повестях. Достаточно для сравнения привлечь, например, перевод «Похождения Телемакова, сына Улисса», сделанный еще в петровское время (1724) и с некоторым «подправлением» изданный в 1747 г.⁵, чтобы понять, почему Тредиаковский считал свой перевод русским, а не славянским. Язык произведений этого рода мы можем, вслед за акад. В. В. Виноградовым, причислять к книжно-славянскому типу. Славянизмы составляют не только обязательный атрибут его, но в ряде случаев и конструктивную его основу.

Отдельные слова и формы этого характера имеются в переводе Тредиаковского, но это только немногие фрагменты сравнительно с достаточно обширным ансамблем подобных форм в других памятниках книжно-славянского типа первой четверти XVIII в.; их употребление в тексте «Езды» в общем единично, и они располагаются преимущественно в стихотворных частях перевода. Единичны, напр., старые надежные формы склонения существительных; ср. дат. мн. *словом* (16; стих.); *людем*

(31,144 — последний в стихах); предл. мн. *глазех* (41, стих.), *днех* (52, стих.), и нек. др. Только в стихах встречаются энклитики местоименных форм (*мя* — 4 р., *ги* и *тя* — по 2 р.). Совсем экзотичны и редки (если не считать довольно обычных у ряда глаголов инфинитивных форм на *-ти*) старые книжные формы глаголов и причастий. Ср. одинокую форму аориста *умре*: «в моих прекрасная дева умре руках вся нагая» (19); *не возмогл* (119; стих.) и нек. другие. Ни одного случая *аще* (при обычном *ежели* и даже одном случае более нового в этой роли условного союза *естьли*; 53, стих), *аки*, *яко*; всего один случай употребления старой формы относительного местоимения («Без моей милой, в *нейже* вся моя утеха»; 52, стих.), при очень частом употреблении *который*; ни одного случая употребления местоимения *аз* (при огромном количестве случаев употребления формы *я*) и т. д.

Все сказанное ведет к одному выводу. Говоря в предисловии к переводу об отказе от «славянского языка», Треднаковский вкладывал в это утверждение вполне определенное содержание. Речь шла о том книжно-славянском типе языка, который был если не единственным, то еще бесспорно доминирующим в книгах 10—20-х гг. XVIII в., и о характерных для него формах языкового выражения. С демонстративным отказом следовать нормам этого типа языка славянизмы вообще прекращали свое существование как норма литературного языка. Они оставались в нем лишь в функции стилистического средства как важный источник речевой выразительности, экспрессии.

Но стилистическое назначение славянизмов в этом переводе, как, впрочем, и в ряде позднейших произведений Треднаковского, не совпадает с тем, которое было отчетливо определено в стилистической системе Ломоносова его теорией «трех стилей». Согласно этой теории и стилевой практике русского классицизма славянизмы приурочивались к известным жанрам и стилям литературного выражения, их употребление закреплялось за вполне определенными предметно-тематическими сферами, признаваемыми, возвышенными, высокими. Треднаковский же часто следует в этом отношении своей теории, нашедшей первое сжатое выражение в трактате 1735 г. «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», в учении о «поэтической вольности». Перечисляя

различные слова и формы, которые могут быть употреблены в стихах, хотя уже «ныне в прозе» и не употребляются, Тредиаковский указывает и на такие высокие книжные слова, как «рыцарь, ратоборец, рать, витязь, всадник, богатырь и прочие подобные». Ср. также ссылки на допустимость энклитик *мя, ты, ми, ти* и нек. других устарелых форм. Все это имеет прямое отношение к стихотворной речи в противоположность прозаической, но характерно, что в перечисленных выше случаях не дается никаких жанровых ограничений. Поэтическая практика самого Тредиаковского в различные периоды его деятельности позволяет сделать более широкий вывод из этих положений раннего трактата. Теория поэтических вольностей не вносит того плана нормативной стилистики, какой прежде всего заключен в теории трех стилей. Тредиаковский выделяет и противопоставляет лишь две сферы — речевого употребления общего и поэтического. Для последней допустимо то, что уже не отвечает правилам обычного употребления.

Конечно, в стилистическом плане (как и в идеологическом) позднее творчество Тредиаковского исполнено противоречий. С одной стороны, Тредиаковский вполне привержен к теории жанрово-стилистических размежеваний, характерных для поэтики классицизма, когда речь идет о таких, например, жанрах, как ода (светская и духовная) или трагедия. Здесь он готов придирчиво следить за чистотою славено-русского языка, осуждать проникновение «низкого рода речений» и т.п. В этом смысле показательным его письмо о сочинениях Сумарокова (1750; то есть написанное еще до появления и «Русской грамматики» и «Предисловия о пользе книг церковных» Ломоносова). Но стилистическая позиция Тредиаковского не ограничивается классицистической платформой. *Исследователей⁶ удивляло, почему в оде «Вешнее тепло», несмотря на ее обыденную, «природную» тему, так широко и изощренно демонстрируется лексическая архаика. Между тем это вполне отвечало стилистическим установкам Тредиаковского, связанным еще с его теорией поэтических вольностей. В поэтических стилях, независимо от «высоты» их темы, признавалось допустимым употребление славянизмов и других архаических форм именно как средств поэтически-экспрессивного характера. Это и есть случай оды «Вешнее тепло».

Вместе с тем славянизмы в этих случаях нередко сталкивались и с другими выразительными средствами, занимающими по теории трех стилей полярное по отношению к славянизмам положение, — с народно-разговорной лексикой, просторечием, областными и народно-поэтическими словами, достаточно свободное обращение к которым не может не поразить и в таких контекстах, принадлежащих к серьезной, возвышенной поэзии, как «Тилемахида» или стихи в «Аргениде». Поэтическая стилистика Тредиаковского сознательно сближала и свободно объединяла разные пласты ненормативной лексики — архаику и новообразования, народно-разговорный и славенский элемент. И те и другие подчеркивали и усиливали экспрессивную пезаурядность поэтической речи. При всей «экстравагантности» и недостаточной убедительности приемов подобного объединения разнородных слов и форм в стиле Тредиаковского, он в известной степени пролагает путь, на который позднее, с неизмеримо большим художественным тактом и творческой свободой, вступают Державин, Радищев и некоторые другие поэты конца века.

Что касается отрицания славяно-книжного типа как основной нормы литературного языка, то здесь значение первого перевода Тредиаковского было более прочным, очевидным и бесспорным. Конечно, было бы неправильным приписывать только Тредиаковскому роль реформатора русского литературного языка. Уже в петровскую пору наметилось становление новой нормы литературного языка, опирающейся на живое русское употребление. На эту норму ориентировал авторов и переводчиков сам Петр I при подготовке ряда актуальных изданий. Эта норма отражалась в ряде переводных книг специального характера и назначения; характерна она и для языка официально апробированных документов — реляций, указов, манифестов, уставов. Одним из блестящих примеров нового слога явилось выпущенное в 1720 г. полемическое сочинение «Рассуждение о оказательствах к миру». Еще важнее был пример переводов естественнонаучных и исторических статей, публиковавшихся в первом научно-популярном журнале «Примечания к Ведомостям», выходившим с 1728 г. Наконец, блестящим образцом такого далекого от славено-книжного языка изложения был перевод А. Кантемира книги Фонтенеля «О множестве ми-

ров». Среди этих произведений первый перевод Тредиаковского, может быть, оказался не самым совершенным и последовательным в новом направлении. Но это был перевод изящного французского романа, имевший несомненный успех в публике; это был первый пример сознательного утверждения новых речевых норм в произведении художественном. Наконец, сильный резонанс получило и дерзкое предисловие молодого переводчика, без оговорок утверждавшего и непригодность «славянского» языка для передачи нового содержания, и его «жесткость», и его устарелость. Вот причины, по которым нельзя не видеть исторического значения этого перевода в эволюции русского литературного языка в XVIII веке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Труды Одесского государственного университета. Филология, т. I, 1940.

² Здесь и далее при цитатах из перевода «Езды в остров любви» — страницы первого издания его. СПб., 1730.

³ В скобках здесь и далее указаны страницы отдельного издания «Le voyage de l'isle d'Amour, ou la clef des coeurs» П. Тальмана, вышедшего в Париже в 1713 г.

⁴ В картотеке Словаря русского языка XVIII века (Л. О. Института языкознания АН СССР) это единственный пример употребления данного слова.

⁵ См.: Бабкин Д. С. Неизвестные страницы Ломоносова (перевод глав из романа Франсуа Фенелона «Похождения Телемака»). «Русская литература», 1974, № 4, с. 101.

⁶ См. упомянутую выше вступительную статью С. М. Бонди в издании сочинений Тредиаковского в «Библиотеке поэта» (1935).

Г. В. МОСКВИЧЕВА

ТРЕДИАКОВСКИЙ И СТАНОВЛЕНИЕ ЖАНРОВОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО КЛАССИЦИЗМА

Тредиаковский-теоретик сохранил деление поэзии на множество жанровых групп, свойственное европейским поэтикам XVII в. В «Кратком и новом способе» (1735), а затем в «Способе к сложению российских стихов... исправленном и дополненном» (1752) он говорит об «эпической», «лирической», «драматической» поэзии, но и о «буколической», «элегической», «эпиграмматической», «эпистолярной», «эпиникической», «сатирической», «апологетической» и т. д., рассматривает последние вне связи с первыми, как самостоятельные жанровые группы.

Однако характеристики жанров, данные Тредиаковским, исходили из признания им внутренней, «качественной» градации жанровых форм. Так, героическая поэма, по его мнению, «есть самый высокий род из всех поэм», ибо она «знатные деяния знаменитых людей... вероятным повествованием предлагает для возбуждения любви к добродетели». К ней близка ода: она также «есть высокий пиитического искусства род», воспекает «самую высокую, благородную» «материю». Напротив, «материя» сатиры — «токмо что глупцы, бездельники, плуты, моты, шалуны и подобные». Цель ее — «приятным и насмешательным образом» исправлять «человеческие пороки». И потому она «долженствует быть жарка, кусающая и колющая». С ней сближаются комедия и басня, создающиеся также «ради исправления человеческих нравов». Что касается «буколической», «элегической», «эпиталамической» «поэм», то они, по мнению Тредиаковского, передают печаль, радость и другие чувства человека, вызванные разными «жизненными случаями».

Таким образом, изложенная в трудах Тредиаковского классификация жанров внешне не совпадает с жанровой

системой классицизма. Вместе с тем мысль о связи жанра с определенной «действительностью» в русской теории впервые получила выражение не у Сумарокова, а у Тредиаковского. По своей жанровой позиции, при всем ее своеобразии, Тредиаковский отнюдь не противостоял Сумарокову, а, напротив, является его предшественником.

Наряду с общими, «суммарными» характеристиками множества жанровых форм, Тредиаковский дал обстоятельную разработку таких жанров, как поэма, ода, комедия. Им он посвятил специальные статьи, где подтвердил свою связь с жанровой теорией классицизма. Статьи его в традиционном смысле не оригинальны. Так, по свидетельству акад. А. С. Орлова, «предъизъяснение об ироической пииме» на треть было заимствовано из европейских и античных источников. Не скрывал этого и сам Тредиаковский. Однако в том, что он выбирал у разных авторов, характеризуя природу эпopeи, проявлялось его собственное понимание данного жанра. Именно это позволило А. С. Орлову, а вслед за ним А. Н. Соколову, считать его концепцию жанра поэмы, несмотря на заимствования, оригинальной. Эта мысль справедлива и в отношении разработки Тредиаковским жанровой теории комедии и оды. Становление жанровой теории в России шло под влиянием и с учетом развития европейской и античной теоретической мысли, однако не было ее простым повторением.

Принято считать, что в определении жанровой природы эпopeи (1766) Тредиаковский более традиционен, т. е. более связан с европейской поэтикой классицизма, нежели Ломоносов, Херасков или даже Сумароков. Действительно, решение главной проблемы жанра — о соотношении в поэме исторического и вымышленного — поставлено Тредиаковским, вслед за французскими теоретиками, в зависимость от морально-дидактических установок классицизма. Чем отдаленнее эпоха, изображаемая в поэме, тем свободнее, по мнению Тредиаковского, будет чувствовать себя поэт, вводя «окольности веселейшие» для возбуждения любви к добродетели». «Баснословие» неотделимо для него от понятий «эпическое», «героическое». Однако дидактизм Тредиаковского отнюдь не исключал художественности. И когда русский теоретик писал, что «эпopeя есть не похвала герою, представляемому в образец, но повествование действия великого и зна-

менитого, в пример предлагаемого», он исходил не из морально-дидактических, а в первую очередь, из художественных, эстетических принципов.

Отстаивая идею отражения в поэме «времен баснословных или ироических», Тредиаковский, по его собственным словам, имел в виду в качестве образца гомеровский эпос. Он сумел глубже, чем европейские теоретики, осмыслить отдельные стороны эпоса как национально-героического жанра. По его мнению, поэмы Гомера не были созданы непосредственно по горячим следам событий. Они отразили отстоявшиеся в народном сознании нравственно-этические оценки воспеваемых героев и их «действий». «Великое было б диво или паче чудо, ежели б Омир враз пресовершенную сию изобрел пииму... человеческого разума такое всеконечно есть свойство, что долго он как будто перстами ощущает, прежде нежели прямо огорстит, что есть добро, что красно есть».

Отсюда утверждение, что поэмы Тассо, Камюэнса, Мильтона, Вольтера, равно как и поздние латинские поэмы, «по времени историй своих и по героям», и «по течению слова суть токмо то, что они сочинения некия стихами сих народов», «а отнюдь и всеконечно не ироические пиимы». Исключая возможность обращения в эпос к событиям нового времени, Тредиаковский исходил не столько из жестких требований формализованной поэтики классицизма, как принято считать в литературной науке, сколько из понимания природы эпоса вообще, извлеченного из гомеровского эпоса; исторические события и герои, прежде чем лечь в основание эпоса, как это и было в гомеровских поэмах, должны стать «баснословными», обрасти легендами, т. е. получить определенную нравственную оценку в народном сознании. С этим связано требование «бахарского», т. е. народно-песенного повествования о событиях и героях в эпосе.

Таким образом, в определении жанровых особенностей героической поэмы Тредиаковский, опираясь на традиции античности, стихийно подошел к проблеме отражения в ней народного мирозерцания.

В. И. ПОПКОВ

ТРЕДИАКОВСКИЙ И ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ

На формирование личности Тредиаковского — ученого, поэта, переводчика — воздействовали различные факторы общественно-политической жизни России первой половины XVIII в., том числе традиции древнерусской церковной и светской литературы, а также живые наблюдения — главным образом во время учебы в Астрахани и в Москве — над жизнью низшего сословия с его народно-поэтическими обычаями, глубокое изучение западных образцов культуры в период пребывания за границей.

Тредиаковский был хорошо знаком с церковной литературой. Об этом свидетельствуют многочисленные трактаты и рассуждения морально-философского плана, переводы псалмов, указания на стихотворную традицию духовных поэтов и писателей. Однако было бы неверным объяснять усиление церковно-религиозной тематики в 40—50-е гг. тем, что это был «поэт-церковник» по своей социальной принадлежности. Об отрицательном отношении поэта к церковнослужителям свидетельствуют уже и его письмо к Шумахеру в связи с неприязнью к появлению перевода романа «Езда в остров любви» («Ведь это сволочь, которую в просторечии называют попами»), и его заключение в статье «О древнем, среднем и новом стихотворении Российском», что «христианство, уничтожившее вконец сплетение песни стихами, лишило нас безмала на шестьсот лет богочтительного стихотворения», и стихотворение «Человек и истукан». А причина эволюции от просторечной лексики к «славенщизне», по справедливому замечанию Л. И. Кулаковой, — «в усилении влияния церкви» и в том, что «Тредиаковский не сумел противостоять идеологическому нажиму со стороны церкви, под-

держиваемой виднейшими сановниками империи и самой императрицей. На какое-то время он поверил, что союз церкви и трона может служить надежной опорой национальной культуры, создаваемой руками людей «искусных», «в науках разумнейших».

Следуя теории Буало, Тредиаковский много сил отдавал изучению древней истории, вместе с тем он пристально изучал русские летописи. Об этом свидетельствует, в частности, его работа исторического характера «Три рассуждения о трех главнейших древностях Российских». Образный язык, экспрессивно-эмоциональный стиль, полемический задор делают это произведение любопытным и со стороны изложения, но еще более существенно то, как Тредиаковский передает многочисленные легенды, почерпнутые из древнерусской литературы. В качестве источников используются, наряду с другими, «Повесть временных лет» («Никоновский Нестор», как называет ее Тредиаковский) и «Хронограф». Материал легенд о посещении апостолом Андреем Киева и Новгорода, об амазонках, о Рюрике и Ольге не подвергается сомнению. К легендам же, бытовавшим в среде «простолюдинов», Тредиаковский, с присущей его веку ограниченностью, относился несколько свысока («Есть много темноты, басней (мифов), равно как греческих мифологических или баснословных времен»). При этом, ссылаясь на «достоверных», по его выражению, писателей, может быть, сам того не подозревая, он пользовался легендами, взятыми летописцами из устных народных преданий.

Заслуживает внимания значительный интерес Тредиаковского к сложившейся на Руси стихотворной практике. Не случайно ведь его литературные опыты, относящиеся ко времени учебы в Славяно-греко-латинской академии, а также переводы собственных стихотворных сочинений с французского сохраняли все атрибуты традиционного силлабического стиха, с парной женской рифмой, одинаковым количеством слогов в стихе. Истоки таких торжественных стихов «на случай», из которых выросла ода,— в традициях Киево-могилянской академии.

На опыт предшественников Тредиаковский опирается и в своей стихотворной практике, и в филологических изысканиях. Его ода не только в известном смысле традиционна, но и приобретает важный для XVIII в. поучительный смысл. Его трактат «О древнем, среднем и но-

вом стихотворении Российском» — по существу, первый обзор творчества поэтов XVII в. — здесь говорится о Леонтии Смотрицком, о Петре Могиле, который завел порядок в Киевской академии по образцу польских училищ, и о других. Симеона Полоцкого ученый определяет как самого первого стихотворца «у нас в великой России на славянском языке». Дается перечисление трудов Полоцкого с любопытными замечаниями, например: «Вертоград многоцветный — превеликая рукописная книга» или «сия книга писана толь чистым и преизрядным письмом, что уж ныне таких рук у наших писцов не видно». Приводятся библиографические данные о Карионе Истомина, которые скупно, но точно указывают на его заслуги. Особую симпатию вызывает у Тредиаковского широкое образование Федора Поликарпова: «муж искуснейший в греческом, славенском и латинском языках». Не обойдены в этой работе и имена менее значительные — могилевский и черниговский поэты Кирилл Транквилион и Иоанн Максимович. Из поэтов своего времени особенно высоко ценил Тредиаковский А. Д. Кантемира.

В ряде случаев Тредиаковский характеризует не только вклад поэтов в литературу, но и их моральные качества. Петр Буслаев привлек внимание именно тем, что после смерти жены оставил чин свой дьякона Московского Успенского собора и жил до смерти простолюдином, сочинил поэму. С этих же позиций оцениваются Леонтий Смотрицкий и Иоанн Иллинский. Первый — «сущий христианин, добросовестный человек и в нем же лести не было»; второй — «праводушный, честный и добронравный муж, да и друг другом нелицемерный, искусный довольно в латинском языке, несколько в молдавском и совершенно в славенском». «Сущий христианин» — исключительно высокая похвала в устах Тредиаковского. В это понятие он вкладывал глубокий смысл и в одном из стихотворений дал целый перечень качеств человека-христианина: отсутствие зависти, грехов, лицемерия, вражды, пышности, стремления к великим чинам и высоким местам, уклонение глупых дел, наличие кротости, терпения, согласия, скромности и т. п. Предпочтение простой жизни перед суетностью большого света недвусмысленно выражено и в оригинальном стихотворении «Вешнее тепло» и в переводном — «Стихах Сенековых о смирении»:

Мне ближе тот ручей, кой по песку течет,
А по пескам в лугу свой тихо ток влечет,
А нежели поток разлитием нелюбимым
Свой в мутности стремится бег по местам болотным.

Обосновывая новые принципы стихосложения, Тредиаковский нигде не говорит о поэтах-силлабистах высокомерно, а относится к ним уважительно, подчеркивает их заслуги, оценивает их вклад в стихотворную практику. Даже само преодоление им силлабической системы — результат досконального ее изучения.

Таким образом, используя памятники ранней русской литературы, Тредиаковский как ученый-историк, ученый-филолог изучал их более пристально, нежели его предшественники и при этом проявил глубокое понимание значения русской культуры, что вело к утверждению народной песни в качестве основы новой стихотворной системы. Идя непроторенным, своим путем, он, как и Ломоносов и Сумароков, сыграл важную роль в выработке национальных принципов русского классицизма.

Л. Н. ДУШИНА

ТРЕДИАКОВСКИЙ И РУССКАЯ БАЛЛАДА XVIII века

Традиционное рассмотрение русской баллады, при котором движение жанра целиком ориентируется на сложившийся у Жуковского или в пору Жуковского образец, приводит зачастую к неполным или неточным результатам. Даже авторы специальных исследований видят истоки русской баллады в опытах Жуковского или, что гораздо реже, Карамзина.

Между тем жанр литературной баллады значительно старше, и опыты русских поэтов это доказывают. Но при этом необходимо учесть, что, поскольку в русской литературе XVIII в. не существовало ярко выраженной фольклорной балладной традиции, первые обращения поэтов к жанру баллады оказывались во многом «формальными». Написанный на французском языке Тредиаковским «Балад о том, что любовь без заплаты не бывает от женска пола» (1730) — не что иное, как формальное воспроизведение французского балладного канона (любовная тема излагается в трех строфах и послышке, соединенных в целое сквозными рифмами и рефреном). Само обозначение «балад» — калька французского. Логика заглавия настраивает на лирику галантную и даже претенциозную.

Исследователь русской музыкальной культуры XVIII в. Т. Н. Ливанова, говоря о русских лирических стихах Тредиаковского, многие из которых становились кантами, то есть широко бытующими в народе любовными песенками, указывает на знаменательность их последующей судьбы: «Лирические стихи Тредиаковского постепенно вытеснили собой старую силлабическую виршевую поэзию из сборников кантов и стали основой для простой, яркой песенной музыкальной лирики, которая заполняла эти сборники с тридцатых, примерно, по семьдесятые годы XVIII века».

С баладом Тредиаковского получилось иначе. Изысканная, хорошо освоенная и разработанная французской поэзией форма любовного балладного стиха едва ли

в ту пору могла найти параллели (интонационные, в целом ритмические) на славянском языке. «Язык славенский в нынешнем веке у нас очень темен, и многие его наши читая не разумеют», — жалуется Тредиаковский. Но даже и «простое русское слово», «каковым мы меж собою говорим» и каким, по признанию Тредиаковского, и переводилась «Езда в остров любви», едва ли в то время ужилось бы в жесткой, очень искусственной и прихотливой системе рифм, предполагаемой французским образцом.

Тредиаковский выбирает решение интересное, хотя и половинчатое. Он ориентирует русскую поэзию на принципиально новый для нее жанр, но демонстрирует его на языке французском. В результате «Балад» воспринимается в жанровом контексте русской поэзии не столько как новый жанр, сколько как еще одна разновидность любовного стихотворения в ряду подобных же опытов Тредиаковского на французском языке («Объявление любви», «Басенка о непостоянстве девушек», «Похвала всякой милой», «Тоска любовникова в разлучении с любовницей»). Не освещенный собственной внутренней жизнью, «Балад» Тредиаковского оказывался способен существовать лишь в четко воспроизведенных внешних признаках французской жанровой нормы. Но чем строже и отчетливей выдерживались принципы западного образца, тем нормативнее оказывались поиски.

И все-таки Тредиаковским была предпринята весьма решительная попытка в балладном жанре. Если следствия ее оказались и не прямыми, то косвенно она не могла не дать о себе знать хотя бы потому, что намечала пути соединения баллады с другими жанрами, предопределяла место баллады в жанровой системе русской поэзии. Ведь балад Тредиаковского стоял в одном ряду не только с «французскими» галантными стихами поэта, но и с написанными на русском языке и в русских правилах «Стихами о силе любви», «Прощением любви», «Плачем одного любовника» — и именно потому соотносился и с кантом, песней, романсом. И когда несколько десятилетий спустя М. Н. Муравьев, а затем Карамзин, Державин небезуспешно осуществляли свои балладные опыты и при этом широко обращались к традициям романса или песни, делалось это не без «подсказки» балада Тредиаковского.

Л. В. ПЕТРУНИНА

ТРЕДИАКОВСКИЙ КАК ПЕРЕВОДЧИК ИТАЛЬЯНСКИХ КОМЕДИЙ

В богатой уже литературе о В. К. Тредиаковском нет ни одной специальной работы, посвященной его театральным занятиям. А ведь драматургическая его деятельность достаточно интересна, чтобы стать предметом специального исследования. Известно, что, еще будучи студентом Московской славяно-греко-латинской Академии, он написал две драмы — «Язон» и «Тит, Веспасианов сын», постановка которых была осуществлена в Академии; тексты их затерялись во время заграничного путешествия автора. Содержание этих драм было целиком взято из античной мифологии и истории, что, несомненно, представляет интерес для изучения школьного театра 1720 гг., так как свидетельствует о зарождении в нем новых тенденций. В 1731 г. Тредиаковский переводил комедию Мольера «Мещанин во дворянстве», но не закончил перевода, так как нашел, что «он не выходит хорош на нашем языке». По прибытии из-за границы Тредиаковский принимает участие в постановке или сочинении пьесы «Иосиф», представленной, по-видимому, в феврале 1732 г. И позднее он не оставляет попыток создания драматических произведений: пишет «Деидамию», переводит «Евнуха» Теренция. И если трагедия «Деидамия» была опубликована в 1775 г., комедия «Евнух» частично напечатана в наше время, то переводы Тредиаковским итальянских комедий и интермедий, осуществленные им в 1733—1735 гг., преданы забвению: ни одно из вузовских пособий (Гуковского, Благого, Орлова и Федорова, Татариновой, статья Пигарева в трехтомной «Истории русской литературы») не дает даже краткой информации о существовании этих переводов. В издании М. Перевлесского даются краткие выдержки из статей о Тредиаковском 12 авторов — и ни один из них не упоминает о его переводах. Только сам издатель, повторяя «опыт исто-

рического словаря о российских писателях» (1772) Н. И. Новикова, пишет: «...В качестве же придворного стихотворца он делал полные переводы опер, экстракты комедий, представляемых на придворном театре...»¹. Скупые сведения об итальянском театре 1733—1734 гг. встречаем у П. Морозова, П. Пекарского, Н. Тихонравова.

Только три исследователя избрали специальным предметом своих изысканий итальянский театр 1730 гг. В. Сиповский в статье «Итальянский театр при Анне Иоанновне» (1900) дал общую характеристику ставившихся тогда многочисленных комедий. Он ни слова не сказал об их переводчике, хотя в это время была уже «История императорской Академии наук в Петербурге» П. Пекарского (1873), в которой даются сведения о работе Тредиаковского над этими переводами. В. Н. Всеволодский-Гернгросс в 1914 г. выпустил книгу, где исследовал состав итальянских трупп и их репертуар как эпизод в истории развития русского театра. Но о Тредиаковском-переводчике он отозвался весьма пренебрежительно, предпочтительнее оценив переводческую деятельность Петра Медведева с 1736 г. заменившего Тредиаковского. В феврале 1917 г. появилась публикация В. Н. Перетца; составитель в предисловии писал: «События последних двух лет прервали печатание книги и лишили нас возможности одновременно с текстами издать и введение к ним»; было обещано дать в будущем примечания, введение и «некоторые данные о переводе сценариев»².

Чем же объяснить невнимание к этой странице творческой биографии Тредиаковского? Может быть, итальянский театр не сыграл никакой роли в становлении нашей национальной драматургии? Компетентный исследователь истории русского театра В. Н. Всеволодский-Гернгросс показал, что это не так: «...У нас побывали лучшие того времени европейские силы. Несомненно, это не могло не повлиять на дальнейшее направление истории нашего театра и на развитие художественных вкусов русского общества»³.

Впервые итальянские актеры появились при дворе Анны Иоанновны в 1731 г. Они были присланы польским королем Августом II. «Король отобрал несколько ненужных ему итальянских актеров и музыкантов и послал их

в Россию; они выехали из Варшавы 1 января 1731 года в сопровождении русского конвоя, состоявшего из одного офицера и нескольких солдат, причем все сожалели их по поводу предстоящего им ужасного путешествия»⁴. Музыканты и атеры эти покинули Россию в том же 1731 г., и были предприняты меры к разысканию новой труппы.

Новые итальянские комедианты прибыли в Петербург только летом 1733 г. Их репертуар состоял из веселых комедий и интермедий, в которых императрицу особенно привлекал конец — потасовки и палочные удары. (О варварских вкусах «веселой» государыни свидетельствует шутовская свадьба в Ледяном доме). Представления давались два раза в неделю. Анна Иоанновна не знала итальянского языка, поэтому на академика Штелина была возложена обязанность составлять краткие либретто на немецком языке⁵. На русский язык эти либретто переводились Тредиаковским и печатались при Академии наук только в 100 экземплярах. Сам переводчик писал: «...Также я токмо один переводил все перечни Италианских комедий и все бывшие тогда интермедии.., которые все напечатаны»⁶.

Вопреки утверждению Тредиаковского, В. Перетц высказал сомнение в принадлежности ему всех этих переводов. В качестве аргумента приводился тот факт, что в перечне переводов Тредиаковского, напечатанных при Академии, значится 32 пьесы, в то время как в имевшемся у Перетца сборнике Академии наук напечатано 39 пьес (перепечатка которых и была осуществлена им в 1917 г.). Кроме того, Перетц находит, что и в отношении языка пьесы эти неодинаковы и констатирует, что «вопрос о принадлежности перу Тредиаковского всех переводов сценариев 1733—35 гг. должен пока считаться нерешенным»⁷. Статья Перетца написана в 1915 г., и с тех пор никто не обращался не только к решению этой интересной задачи, но и вообще к изучению этого этапа в развитии русской драматургии.

По сохранившимся пьесам видно, что это были почти исключительно представления в стиле *comedia dell'arte*, основанном на импровизации. В какой степени близки эти переводы к оригиналу, неизвестно, так же как неизвестны тексты, с которых переводил Тредиаковский. Указание, которое мы встречаем под переводом одной из пьес о том, что либретто, очевидно, составленные по-итальян-

ски, переведены на французский язык, а с французского на русский и немецкий, также не проясняет картины. Возникает вопрос: с какого языка переводил Тредиаковский? Был ли это двойной перевод с итальянского (которым владел первый русский профессор элоквенции) на французский и русский или же он пользовался сделанным кем-то переводом с итальянского на французский? Пекарский пишет: «В июне 1735 г. Тредиаковский получил указ такого содержания: «по приказу обретающегося командира, действительного камергера, барона фон Корфа велено тебе комедиантов от ректора Аволия взять несколько комедиев и интермедиев для переводу заблаговременно»⁸. Дата — 1735 г. — вызывает недоумение, так как известны комедии в переводах Тредиаковского, напечатанные в 1733—1734 гг. Возможно, в свое время Пекарский не располагал этими изданиями, а описал их согласно «Реестру напечатанным при Академии наук комедиям...».

Сценарии итальянских комедий уже в середине XIX в. считались большой библиографической редкостью. Книга Всеволодского-Гернгросса «Театр в России при императрице Анне Иоанновне» также издана в 200 экземплярах. Тексты комедий к книге Перетца печатались по академическому сборнику. Некоторые комедии на титульном листе не имеют фамилии переводчика. Этими обстоятельствами в значительной мере объясняется тот факт, что деятельность Тредиаковского в этой области осталась в тени.

Тредиаковский перевел 30 комедий, 6 интермедий и 1 трагедию («Сампсон»). Комедии невелики по объему (12—16 стр.), каждому либретто предпослан «перечень всея комедии» и перечень действующих лиц. Придерживаясь классификации Сиповского, можно разделить переведенные первым русским академиком итальянские комедии на два типа: 1) волшебные, то есть богатые разными превращениями, исчезновениями, присутствием волхвов, духов, чертей, языческих богов; 2) бытовые, т. е. изображающие обыкновенные любовные приключения, богато обставленные разными шутовскими и мошенническими проделками.

Пьесы, представленные при дворе императрицы в Петербурге, свидетельствуют об упадке импровизации и о переходе к записанному тексту, что также представляет

интерес для историков литературы. Во всех комедиях действуют Арлекин и Панталон — любимые типы народного итальянского театра. Во 2-й четверти XVIII в. эти образы уже переходят в интермедии частного публичного театра русских городских демократических кругов.

«...Образы Арлекина и гаера, — пишет Всеволодский-Гернгросс, — тесно связаны с итальянской комедией, с которой Россия познакомилась в оригинале и в немецкой интерпретации в 30—40-е годы XVIII века».

Русские либретто отличались от прочих сценариев итальянских комедий (например, в сборнике Bartoli, «Scenari inedita») тем, что были рассчитаны на зрителей, не понимающих итальянского языка актеров, а не являлись просто руководством для актеров. Отсюда большой объем русских сценариев, присутствие эпического элемента, отличный от общепринятого для итальянских сценариев принцип деления на действия.

Значение переводов итальянских комедий для своего времени несомненно. Возьмем хотя бы количественную сторону вопроса. Если открыть «Сводный каталог русской книги XVIII века (1725—1800)», то можно увидеть, что в 1733 г. из общего количества напечатанного (30 наименований) 20 составляют переводы и произведения Тредиаковского; в 1734 г. из 29 наименований — 19. Конечно, эти издания находили своего читателя. Таким образом, не следует исключать эти переводы из общей картины творчества Тредиаковского. Работа над ними, возможно, наложила определенный отпечаток на последующую литературную работу писателя.

Почему же сам Тредиаковский впоследствии нигде не говорил об итальянских комедиях и не включил их в свое двухтомное собрание сочинений 1752 г.?

Известна общая эволюция Тредиаковского от светского романа «Езда в остров любви» к «Феоптии, или Доказательству о богознании по вещам созданного естества». Впоследствии он почти не вспоминал о первом своем переводе (то есть о романе «Езда в остров любви»). Возможно, по этой причине он не вспоминал и свои ранние переводы итальянских комедий.

После воцарения Елизаветы Петровны, имевшей в годы правления Анны Иоанновны свой оппозиционный театр, и состав трупп, и репертуар были изменены: с 40-х гг. начались гастроли немецкой труппы К. Нейбер

и французской труппы Сериньи. Репертуар обеих трупп был классическим. Возможно, поэтому Тредиаковский не мог печатать свои переводы итальянских комедий, явно противоречащие вкусам нового двора.

Из его более поздних суждений известно одно, которое даст основание полагать, что и сам писатель относился к *comedia dell'arte* отрицательно, считая ее «низкой». В предисловии к своему переводу «Евнуха» Теренция Тредиаковский осудил комедии Сумарокова 1750 г. и малые комедии в прозе вообще: «больше сквернящие наш язык, нежели обогащающие. Не токмо самими нашими негодницами и беспутными я гнушаюсь, но и всеми на других языках прозаическими малыми комедиями: они все как противны уставу комедии, так и недостаточны твердого разума»⁹.

Нельзя исключать репертуар придворного театра Анны Иоанновны и работу Тредиаковского по переводу итальянских комедий из общего хода литературного процесса, так как с этим связано дальнейшее развитие русского театра и драматургии: «...К моменту появления Сумарокова традиция национальной комедиографии уже определилась», — справедливо полагает Всеволодский-Герингресс.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тредиаковский В. К. Избранные сочинения. М., 1849, с. 16.

² Перетц В. И. Итальянские комедии и интермедии, представленные при дворе Анны Иоанновны в 1733-34 гг. Петроград, 1917, с. 3.

³ Всеволодский-Герингресс В. И. Театр в России при императрице Анне Иоанновне и при императоре Иоанне Антоновиче. СПб., 1914, с. 9.

⁴ Там же, с. 3.

⁵ Пекарский П. История императорской Академии наук в Петербурге, т. 1. СПб., 1870, с. 562.

⁶ Там же, т. 2, с. 59.

⁷ Перетц В. Рецензия на книгу В. Всеволодского-Герингресса «Театр в России при императрице Анне Иоанновне». «Журнал Министерства народного просвещения». Новая серия, 1915, январь, с. 219.

⁸ Пекарский П. История императорской Академии наук в Петербурге, т. 2. СПб., 1873, с. 58—59.

⁹ Тредиаковский В. К. Рассуждение о комедии вообще и в особенности. В кн.: XVIII век, сб. I. М.—Л., 1935, с. 312.

А. А. АЛЕКСЕЕВ

К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ У ТРЕДИАКОВСКОГО

Обширное наследие Тредиаковского-переводчика, обнимающее не менее 40 томов, заслуживает тщательного филологического обследования и изучения. В нем мы находим данные для истории многих слов современного русского литературного языка, для истории синтаксиса и стилистики, без этого наследия невозможно восстановление общей картины языкового развития в XVIII в.

Коснемся всего лишь одного места из переводов Тредиаковского, впрочем, места уникального. В своем предисловии «О слове и словесности», помещенном при переводе VII тома «Римской истории» Шарля Роллена (1763)¹, Тредиаковский рассуждает, в частности, о значении словесности, то есть красноречия, приводит похвалу красноречию Цицерона и снабжает латинскую цитату двумя переводами подряд. Вот этот пассаж целиком (с. VIII):

«Цицерон, по обыкновению своему, описал величие Словесности нашей, не витийственно токмо, но и праведно, и твердо. Словесность наша, по его, не прелезяща токмо, но и дар нам Божественный. Она тому научает нас, чего прежде мы не знали: она и Увещательница, и Преклошительница, и Утешительница, и Ободришельница, и Примирительница, и законов Положительница, и от зверския нас жизни Отвратительница. Но следуют и точныя его изображения, персведенныя мною с Латинских, а Латинския подлинныя положены здесь же под Чертою. «Владычица вещей... Изглаголаня Сила, коль есть прелезяща, и колико Божественна! Сия вопервых соделывает, что мы Незнаемому научиться, а Ведомому других научить возмагаем. Потом ею увещаваем, ею прекланяем, ею утешаем скорбящих, ею ужасшихся изводим из

страха, ею реющихся удерживаем, ею похотения и гнев погашаем: сия нас Прав, Законов, Градов Сообщностию обязала; сия от жизни Зверския и Дикія отлучила»².

Случай такого двойного перевода настолько необычен, что возникает вопрос о его причине. В свое время Г. А. Гуковский отметил двойные переводы ряда стихотворений из «Аргениды», включенные Тредиаковским во второй том собрания сочинений 1752 г.³ Но там дело обстояло иначе: Тредиаковский показывал особенности и достоинства разных стихотворных размеров, заметных различий в языке эти переводы не содержат.

Собственно говоря, вопрос и недоумение могут относиться лишь к первому варианту перевода, поскольку второй вариант, во-первых, совершенно точен в передаче содержания, и это отмечает переводчик: «Но следуют и точныя его изображения...». Во-вторых, этот перевод точно передает весьма эффектный синтаксический рисунок латинского подлинника. Наконец, он оснащен типичным для XVIII в. средством создания выразительности и художественности, а именно лексическими и морфологическими церковнославянизмами. Ср.: *изглаголанія, коль, колико, возмагаем, увещаваем* (ср. *увещаем*), *ужасшихся, изводим* (ср. *выводим*), *реющихся, удерживаем* (ср. *удерживаем*), *зверскія*.

Между тем во всех этих пунктах первый вариант перевода проигрывает. По содержанию он представляет собою известное упрощение оригинала и даже пропуски отдельных звеньев смысловой цепочки. Например, осталось без перевода латинское *et ea, quae scimus, alios docere possimus*, что передано во втором переводе «а Ведомому других научить возмагаем». Заметнее всего, однако, отходит от оригинала первый вариант перевода в синтаксическом строе, главной особенностью которого оказалось простое предложение с семью однородными сказуемыми, выраженными существительными женского рода (*nomina agentis*) при опущенной связке. Наконец, церковнославянский элемент в лексике ограничен этими самыми существительными на *-тельница* (поскольку в основе их словообразования суффикс *-тель*).

Отступление от синтаксиса латинского оригинала создает в первом варианте перевода чрезвычайно ритмическое построение с гипердактилической рифмой. Очень вероятно, что именно им и дорожил Тредиаковский,

жертвуя ему точностью перевода. По крайней мере нам известен случай, когда Тредиаковский отдал предпочтение ритмике перед буквальной точностью перевода. Речь идет о первой фразе «Аргениды»: «Мир еще не раболепствовал Риму, ни Океан тогда не трепетал еще Тибра» и т. д. В примечании Тредиаковский поясняет: «Впрочем, сии начальные изображения в подлиннике следующие стоят: Мир—еще не поклонялся Риму, Океан—не уступал еще Тибру. Но мне мои великолепнейшими показались для нашего языка, хотя Авторovy и превесьма громки звоном на Латинском»⁴. Вполне очевидно, что «великолепие» русского текста заключено в его ритме четырехдольника. В результате первая фраза в переводе оказалась эквиритмична подлиннику. Ср.: *Nondum Orbis adoraverat Roman, nondum Oceanus decesserat Tybri etc.* При этом на самом деле не было и существенного отступления от оригинала по содержанию, возможно только, что метафоричность в переводе оказалась богаче, чем в подлиннике.

Напротив, в отличие от случая с «Аргенидой», ритмическая находка при переводе похвалы красноречию потребовала большой жертвы в точности, из чего видно, что стимул принести эту жертву был довольно силен.

Дело, по нашему мнению, заключается в том, что образцом для этого ритмико-синтаксического построения послужило Тредиаковскому одно из наиболее замечательных творений греческой и славянской гимнологии — Акафист Богородице⁵, равно как некоторые другие акафисты и молитвы, созданные по его образцу.

Ср. в Акафисте пресвятой Богородице, икос 6 (Киев, 1693, л. 23):

Радуйся, Пище, Манны приемнице,
Радуйся, Сладости святыя Служительнице.

Ср. икос 2 из Акафиста Успению Богородицы (Киев, 1758, л. 124):

Радуйся, прибежище верным и избавление:
Радуйся, достоянню твоему помощь и защищение.
Радуйся, о всем мире христианском к Богу ходатаице:
Радуйся, благ всяческих всеблагая подательнице.

Ср., наконец, подчеркнутое употребление этого приема в Акафисте Божьей матери Знамения, икос 2 (СПб., 1892):

Радуйся, ненаказанных милостивая Наказительнице.
Радуйся, неразумных премудрая Вразумительнице,
Радуйся, обидящих всегрозная Устрашительнице,
Радуйся, обидимым всеблагая Заступнице.

Таким образом, своей ритмико-синтаксической структурой, своими рифмами, самими существительными на-*тельница*, из которых некоторые были малоупотребительны в XVIII в., а другие не встречаются вовсе, так что их можно признать за неологизмы Тредиаковского⁶, — всем этим первый вариант перевода обязан Акафисту Богородице как образцу. Вне сомнения, это сходство и придавало этому переводу в глазах Тредиаковского «великолепие», то есть художественные, эстетические достоинства.

Значение этого эпизода в переводческой практике Тредиаковского заключается в том, что здесь в непосредственном соседстве оказались две системы художественно-эстетической организации текста. Первый вариант перевода основан на той системе, которая господствовала в течение всего русского средневековья. Главнейшим стилистическим приемом и принципом этой системы была явная и скрытая цитация из текстов Священного писания, разнообразные аллюзии — по ритму, синтаксису, словообразованию, семантике и т. д. — к этим текстам⁷. В XVIII в., в условиях смещения церковнославянской и русской языковых стихий, вырабатывается новая стилистика, в которой представление о прекрасном («высоком», «важном») связывается с церковнославянскими языковыми элементами⁸. Способность постигать прекрасное в той и другой форме, умение пользоваться обеими ими одновременно отличало Тредиаковского от большинства его современников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Это предисловие было перепечатано С. А. Копорским в 1961 г. в Ученых записках МОПИ, т. 100.

² У Цицерона: *Domina rerum... eloquendi vis, quam est praeclara, quamque divina! Quae primum efficit, ut ea, quae ignoramus, discere, et ea, quae scimus, alios docere possimus. Deinde hac cohortamur, hac persuademus, hac deducimus perterritos a timore, hac gestientes comprimimus, hac cupiditates iracundiasque restinguimus; haec nos Juris, Legum, Urbium Societate devinxit: haec a vita immani et fera segregavit (De natura deorum, libri 2).*

Любопытно, что пересказ этого места из Цицерона Тредиаковский включил в свое «Слово о витийстве» (СПб., 1745, с. 43). Ср. также этот пассаж в другом переводе XVIII в.: «...Слово человеческое. Не заключено ли в нем нечто преславное и божественное? Оно причиною, что мы, чего не знаем изучить, а что знаем, то другим сообщить можем. Им мы увещеваем, им советуем, им печальных утешаем, им уstraшенных ободряем, им желание и гнев утишаем. Оно уставя суд, положа законы и учредя города, связало нас обществами: оно отвело от дикой и зверской жизни» (Цицерон, О естестве богов. Перевод Гр. Комова. СПб., 1779, с. 142). Совпадения, видимо, случайные, имеются только со вторым вариантом перевода Тредиаковского.

³ Г у к о в с к и й Г. А. К вопросу о русском классицизме. Со-
стязания и переводы. В кн.: Поэтика. Сб. статей, IV, Л., 1928,
с. 131—132.

⁴ Аргенида, т. 1. СПб., 1751, с. 220—221.

⁵ Акафист Богородице создан был в V—VI вв. знаменитым ви-
зантийским поэтом Романом Сладкопевцем, а переведен на славян-
ский язык в первоначальную эпоху славянской письменности.

⁶ Об употреблении XVIII в. мы судим по данным Картотеки
русского языка XVIII в., находящейся в Ленинградском отделении
Института языкознания АН СССР.

⁷ Стилистика средневековой русской литературы еще не напи-
сана. Об использовании аллюзий к текстам Священного писания см.
в комментариях Н. А. Мещерского к изданному им тексту «Истории
Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе
(М.—Л., 1958). Ср. также понятие об «этикетности» древнерусской
литературы в работах акад. Д. С. Лихачева.

⁸ Исторической стилистики русского языка XVIII в. также не
существует. Отдельные замечания см. в книге В. Д. Левина
«Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII в.
— начала XIX вв. Лексика», М., 1964. О различных оценках в XVIII в.
церковнославянской языковой стихии см. также: Лотман Ю.,
Успенский Б. Споры о языке в начале XIX в. как факт рус-
ской культуры. Ученые записки Тартуского университета,
в. 358, 1975.

Г. П. КУРТОЧКИНА

ОДА «ВЕШНЕЕ ТЕПЛО» В. К. ТРЕДИАКОВСКОГО

Ни один год литературной деятельности В. К. Тредиаковского не был для него столь тяжелым по разного рода неудачам, как 1755. Постоянно шли пререкания с М. В. Ломоносовым и А. П. Сумароковым. В ноябре Тредиаковский подал своим сочленам по Академии жалобу на латинском языке против академика Миллера, редактора журнала «Ежемесячные сочинения». Миллер, узнав об этой жалобе Тредиаковского, написал в свою очередь доношение президенту Академии графу Разумовскому.

Дальнейшее печатание трудов в журнале Миллера стало для писателя невозможным. Тогда он прибегнул к хитрости.

Начал он с оды «Вешнее тепло», упросив Андрея Нартова опубликовать ее как свою. «Сочинил я оду,— писал В. К. Тредиаковский,—назвав ее Вешнее Тепло и тем утаив мое имя в двух начальных буквах, да и вручил конференц-секретарю посторонними руками. Расхвалена сия ода и в книжках напечатана. Хотя же мне и посчастливилось в подставе чужого автора, однако сей самый успех низверг меня почитай в отчаяние: ибо увидел подлинно, что презрение стремится токмо на меня, а не на труды мои».

Итак, впервые ода «Вешнее тепло» была напечатана в журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» в мае 1756 г. под именем Андрея Нартова.

В своем «Рассуждении об оде вообще», приложенном к тексту оды «На взятие Гданска», В. К. Тредиаковский писал: «Речь ода, с греческого... по нашему значит: песнь... ода есть совокупление многих строф, состоящих

из равных, а иногда и неравных стихов, которыми описывается всегда и непременно материя благородная, важная, редко нежная и приятная, в речах, весьма питических и великолепных». Здесь же автор заявляет, что он подражал оде Буало, «сочиненной по случаю взятия города Намура от французского войска. Признаюсь необивенно; сия самая Ода подала мне весь план к сочинению моего о здаче города Гданска; и много я в той взял и изображения».

Ода «Вешнее тепло» — оригинальное произведение В. К. Тредиakovского: она восхваляет не официальное лицо или событие («материю важную и благородную», как требовалось теорией оды), а природу, является новаторской пейзажной одой.

У М. В. Ломоносова пейзажных од не было. Правда, в оде «На день брачного сочетания их императорских высочеств государя великого князя Петра Федоровича и государыни великия княгини Екатерины Алексеевны» (1745) несколько строф посвящены картинам весны и лета:

Плоды румянцем испещрены,
И ветви, медом орошенны,
Весну являют с летом вдруг.

Однако все-таки это ода хвалебная, а не пейзажная. Г. А. Гуковский об оде «Вешнее тепло» пишет: «...Вполне вероятно, что Тредиakovский напечатал ее в «Ежемесячных сочинениях», чтобы в годы наибольшей влияния Ломоносова продемонстрировать свое жанровое над ним «превосходство».

Тредиakovский взволнованно прославляет победоносное шествие «румяной весны», юности, красоты:

Весна румяная предстала!
Возникла юность на полях;
Весна тьму зимню облистала!
Красуйся все, что на землях: ★
Уж по хребтам холмисты горы
Пред наши представляют взоры
Не белый, с сыри падший, снег,
Но зелень, из среды прозябшу,
А соков нову силу взявшу:
Раскован лед на быстрый бег.

Поэт воспекает торжество весеннего земледелия, радость труда пахаря, садовода, пчеловода, рыболова, охотника и т. д.

В конце, перед традиционным обращением к музе и прославлением Петра I, его «дщери» и «Северного Эдема», радостное восприятие жизни омрачается размышлениями о смерти:

Превышняя благодать нежит цветы!
Возмогши словом все создать,
Непостижимыми советы
Цветкам умеет врачность дать:
Но, к ним призор коль ни прилежный,
Их краток мнится нам век нежный;
Однак им долей, нежель мне,
Дар жить, хоть вскоре погасают:
Они в живот свой воскресают,
При каждой с торжеством весне.

Здесь налицо элементы диалектики смерти и рождения в природе, их взаимосвязи, которые найдут позже выражение у Г. Р. Державина, Е. А. Баратынского и Ф. И. Тютчева.

У самого же В. К. Тредиаковского в его философской поэме «Феоптия» (1750—1754) еще ранее сказано:

Предивен есть весьма сей непрестанный круг:
Земля, что нам ни даст, в себя ж приемлет вдруг,
Приемлет, но затем, чтоб нам подать то паки.

Но, к сожалению, это «оригинальное поэтическое произведение, посвященное изложению важнейших проблем философской мысли своего времени начисто выпало из литературного движения середины XVIII в.».

Весна студёный ветер и холод умягчает
Роскошествуя ж в цветах, плоды нам обещает.

Эта поэтическая картина весны из «Феоптии» предвосхищает появление весенней оды поэта.

Ода «Вешнее тепло» представляет собой целостную структуру, одухотворенную образом автора, страстно любящего жизнь и все живое, задумывающегося над быстротечностью жизни. Поэтому в оде постоянно присутствует личное местоимение «мы» и глагольные формы настоящего времени. «Мы», т. е. сам В. К. Тредиаковский и люди, его окружающие, его современники. Впервые в оду поэт вводит и свое «я», опять выступая как новатор:

Их (цветов) краток мнится нам век нежный;
Однак им долей, нежель мне.

Пространство в оде «Вешнее тепло» ограничено Петербургом и его окрестностями:

Нева кристалл свой разбутила,
И с понта корабли впустила;
Река возлюбленна Петром!

В оде «Вешнее тепло» отсутствует риторическая напыщенность од М. В. Ломоносова, но сохраняется лирическая торжественность стиха. В. К. Тредиаковский соединил здесь стиль псалмов с поэтикой русских народных песен, предвосхитив тем самым появление од Г. Р. Державина. Автор вводит в оду простые русские слова: птичка, глинка, былинка, песенка, супружка и т. д., но одновременно сохраняет и славянизмы, придающие оде торжественность.

Ода щедро насыщена символикой античных имен: Борей, Зефиры, Аврора, Помона, Церера, Флора, Феб, Муза, Минерва и т. д. Античная символика у Тредиаковского прекрасно гармонирует с общим содержанием и стилем оды. Поэт прямо через голову Г. Р. Державина протягивает руку А. С. Пушкину. «Летит пчела в пределы Флоры» — от этого стиха, как думается, не отказался бы и сам Пушкин. (Вспомним его «Пчела за данью полевой летит из кельи восковой»). Таков же стих «Помона, мать яблок разных», поражающий своей лапидарностью и отточенностью.

Ода «Вешнее тепло» одухотворена подлинной поэзией, в ней своеобразно передается та «бодрость», которую несет с собой весна. Поражает удивительная наблюдательность поэта: он видит ласточку, лепящую свое гнездо; пчелу, собирающую мед с цветов; соловья, «хлещущего» в кустах; поющего жаворонка, «вкось и впрямь снующего» к солнцу; коростеля, поющего на двух зорях, и т. д.

Язык оды «Вешнее тепло» необычайно своеобразен, оригинален, а порой и очень благозвучен, обнаруживая «необыкновенное чувство изящного» (А. С. Пушкин). Своей одой В. К. Тредиаковский до известной степени отошел от классической эстетики (от теории трех штилей) и подошел к понятию контекста.

Ода «Вешнее тепло» — родоначальница русской весенней пейзажной лирики. По поэтической зоркости и широте охвата весенней природы и труда человека в

ней В. К. Тредиаковский стоит особняком в русской литературе XVIII в., оказывая, вопреки общепринятому мнению, влияние на последующую пейзажную русскую лирику.

Ощутимое влияние, на наш взгляд, он оказал на Велимира Хлебникова, а также на поэзию Н. А. Заболоцкого, сохранившего в своей художественной системе античные образы. Уместно вспомнить его поэму «Торжество земледелия».

Традиции В. К. Тредиаковского прослеживаются в поэзии старейшего тамбовского поэта и художника Николая Ивановича Ладыгина (1903—1975), работавшего в труднейшей поэтической форме палиндрома и создавшего более десяти поэм и три тома стихотворений, до сих пор не изданных. Палиндромы Н. И. Ладыгина — явление уникальное. Небольшой цикл из них «Словесное кружево» (4 стихотворения — времена года) опубликован в журнале «Русская речь» (1970, № 4) со вступительной заметкой поэта Игоря Кобзева. Н. И. Ладыгин продемонстрировал плодотворность своих опытов для решения в будущем проблемы обратного времени. Палиндромы Ладыгина — глубоко продуманные, логически ясные стихи, чуждые формальной изощренности; в них чувствуется отзвук поэтической силы В. К. Тредиаковского.

Вот примеры из «Весны» Н. И. Ладыгина:

А голого лога
Лен еле зеленел.
А лес у села,
Как
Золото лоз...
Розы зорь.
Дарю, рад,
Зсрям имя роз...
Май, миф и фирмам!
Весна. Дан сев.

Н. И. Ладыгин считал, что современное развитие поэтического языка отнюдь не исключает самого пристального внимания к теоретическим трудам и поэтической практике В. К. Тредиаковского.

И. Ф. МАРТЫНОВ

ТРЕДИАКОВСКИЙ И ЕГО ЧИТАТЕЛИ-СОВРЕМЕННОКИ

*(По материалам отдела рукописной и редкой книги
Библиотеки Академии наук СССР)*

Мнение читателей-современников о писателе по праву считается одним из важнейших критериев его литературной репутации. Естественно, что эта оценка не всегда бывает беспристрастной и справедливой. Однако никакая самая резкая критика не подрывает столь сильно писательского реноме, как равнодушие читающей публики к творениям его пера. Никакой, самый снисходительный приговор потомства не заменит писателю живого человеческого отклика, надежной руки соратника-единомышленника.

Проблема «автор—читатель» приобретает особое значение при изучении творческого наследия В. К. Тредиаковского, чья литературная судьба, по справедливому замечанию его новейшего биографа, была исключительно «богата странностями, злоключениями и противоречиями»¹. Советское литературоведение, следуя традициям Радищева и Пушкина, немало сделало для того, чтобы имя этого незаурядного поэта, переводчика и ученого заняло достойное место в пантеоне видных деятелей русской культуры XVIII столетия. Тем не менее мы до сих пор окончательно не расстались с представлением о том, что творчество Тредиаковского еще при его жизни стало литературным анахронизмом, утратило интерес для читателей всех интеллектуальных и социальных категорий. Можно назвать несколько причин устойчивости этого заблуждения. У Тредиаковского было немало врагов среди собратьев по поэтическому цеху и сильных мира сего, к мнению которых не могли не прислушиваться современники и потомки. Он не оставил после себя, в отличие от Ломоносова и Сумарокова, литературной «школы». И, наконец, далеко не все

упреки в адрес «дактилохореического витязя» диктовались только сведением личных счетов либо политическими мотивами. В отличие от авторитетных и влиятельных врагов Тредиаковского, «сочувственники» надолго остались в тени. Поэтому требуется немало сил и времени для того, чтобы восстановить подлинную читательскую судьбу оригинальных и переводных книг, принадлежавших перу первого русского академика.

В поисках ответа на этот вопрос мы обратились к дошедшим до наших дней каталогам русских частных библиотек XVIII столетия. Внимательное изучение состава книжных собраний видных государственных деятелей двух царствований А. П. Волынского² и Г. А. Потемкина³, ученого-историографа Г.-Ф. Миллера⁴ и великого русского просветителя Н. И. Новикова⁵, поэтов И. И. Дмитриева⁶ и Г. П. Каменева⁷ наглядно подтверждает факт их знакомства с сочинениями Тредиаковского. Попутно отметим, что многотомные «Древняя история» (т. 1—10, СПб., 1749—1762) и «Римская история» Ш. Роллена (т. 1—16, СПб., 1761—1767), переведенные с французского языка В. К. Тредиаковским, представлены в каталогах чуть ли не всех известных нам частных библиотек того времени⁸. Тредиаковский-переводчик был явно популярнее Тредиаковского-поэта и филолога. В то же время нельзя забывать, что книга не всегда попадала (и попадает) с полки библиотеки в руки ее владельца. Свидетельством тому просмотренные нами десятки неразрезанных томов в книжных собраниях известных своей образованностью Екатерины II и И. И. Шувалова. Из этого следует, что исследователь не может ограничиться анализом каталогов библиотек, документов статичных и «глухих», дающих только самое общее представление о читательских интересах собирателя.

Тем большее значение приобретает поэкземплярное изучение книг, в нашем конкретном случае — прижизненных и первых изданий сочинений Тредиаковского. Такой просмотр помогает с помощью владельческих записей и экслибрисов на книгах восстановить состав рассеявшихся библиотек, в том числе и тех, у которых не было каталогов, позволяет выявить уникальные экземпляры изданий с дарственными надписями авторов и читательскими маргиналиями. Блестящим примером эффективности подобного рода разысканий служит недавняя находка в

фондах научной библиотеки Казанского университета двухтомного собрания «Сочинений и переводов» В. К. Тредиаковского (СПб., 1752) с авторскими поправками и дополнениями⁹. К сожалению, надежда на то, что эта книга поможет выяснить судьбу всей библиотеки Тредиаковского, так и не оправдалась. В книжном собрании Г. А. Потемкина, как выяснилось при его просмотре, нет больше ни одного издания того же происхождения, что и «Сочинения». Характерно, что даже эти на первый взгляд безрезультатные поиски не были абсолютно напрасными. Вместо утраченного еще до поступления в Казань потемкинского собрания экземпляра «Тилемахиды» в наши руки попал ее первый том, переживший за тридцать лет со дня своего появления в свет четырех владельцев, побывав у «квартирмейстера, титулярного советника» Якова Михайлова, неизвестного Григория Соколова, протопопа Александра Никитича Люстрицкого, священника Иоанна Петровича Лентовского и, наконец, нашедший постоянное пристанище на полках библиотеки Казанской гимназии¹⁰. Как мы видим, среди первых читателей «ироической пиимы» российского Фенелона были не только сановные вельможи и профессиональные литераторы, но и книголюбы-разночинцы.

Разыскания в фондах отдела рукописной и редкой книги библиотеки Академии наук СССР позволили установить имена еще двух читателей Тредиаковского, принадлежавших к разным социальным категориям. Первому из них — кадровому военному — принадлежал конволют, в котором первое издание «Нового и краткого способа к сложению российских стихов» (СПб., 1735) было переплетено вместе с анонимной рукописью на латинском языке «*Articulus unicus de rhetoricae definitione*» («Особая статья, объясняющая риторику»). На внутренней стороне верхней крышки переплета можно прочесть любопытную владельческую запись: «Сия книга брегандира Ивана Маслава подарена от Академии секретаря господина Тредиаковского в Санктпетербурхе в 1741 году» (шифр: Тек. пост., № 41). Даритель оставил свой автограф на титульном листе «Нового и краткого способа» (Тредиаковского); здесь же стоит печать-экслибрис библиотеки казанского историка русской словесности Максима Петровича Петровского, который приобрел этот уникальный экземпляр 27 ноября 1901 г. у известно-

го московского букиниста П. П. Шибанова¹¹. Материалы картотеки Б. Л. Модзалевского, хранящейся в Институте русской литературы АН СССР, позволяют нам ближе познакомиться с первым владельцем конволюта. Сын обер-секретаря Сената Иван Анисимович Маслов (род. в 1707 г.) летом 1725 г. был принят в Петербургскую академическую гимназию, где в то время учился и В. К. Тредиаковский. Прошли годы, однако член Военной коллегии, бригадир Маслов (с 1744 г.— генерал-майор) не утратил привитого ему в юности интереса к наукам и изящным искусствам. Не случайно его былой однокашник — общавшийся поэт преподнес старому знакомцу плоды своей музыки в надежде на помощь и покровительство. Более полутора лет конволют, подаренный Тредиаковским, хранился в родовом имении Масловых под Клином, пока не попал от разорившихся потомков Ивана Анисимовича к столичным антикварам.

Время пощадило библиотеку другого книголюбца середины XVIII столетия, питомца Александро-Невской лаврской семинарии, архимандрита нескольких новгородских и тихвинских монастырей (1758—1788) Евфимия¹². Правда, дошедшие до наших дней книги ученого монаха «растворились» в фондах академической библиотеки, однако владельческие записи помогли выявить некоторые из них: «Сатиры» (СПб., 1762) А. Д. Кантемира (шифр: 1762/18), комплект одного из первых русских журналов «Праздное время» (шифр: 70П) и, наконец, «Сочинения и переводы» (т. 1—2, СПб., 1752) В. К. Тредиаковского (шифр: 1752/8). Опытный глаз книговеда легко заметит, что эти увесистые тома не стояли бесцельно на полках в келье Евфимия. Следы воска на полях страниц, обрывки закладок (бумага XVIII в.) и десятки других мелких признаков убедительно свидетельствуют о том, что творения первых русских поэтов неоднократно читались и перечитывались их владельцем.

Мы рассказали только о двух, наиболее интересных находках и тут же хотим заметить, что фонды библиотеки Академии наук СССР далеко не идеальны для историко-книжных разысканий. Сюда довольно рано начал поступать «безликий» обязательный экземпляр, дублетность же изданий XVIII в. невелика. Гораздо более перспективен, на наш взгляд, поэкземплярный просмотр прижизненных и первых изданий Тредиаковского в обла-

стных и республиканских библиотеках Поволжья, Украины и Центральной России, куда в послереволюционные годы поступили книжные собрания городских дворцов и пригородных имений знати, ликвидированных учреждений и учебных заведений, закрытых монастырей и церквей.

К сожалению, экслибрисы на книгах сами по себе ничего не говорят об активном отношении их владельцев к прочитанному. Читательские же маргиналии в изданиях XVIII столетия встречаются чрезвычайно редко. Тем большее значение приобретают сохранившиеся до нашего времени списки отдельных стихотворений и даже целых книг, принадлежавших перу В. К. Тредиаковско́го. Нет нужды доказывать, что уже сам факт выбора для списания того или иного сочинения, труд, затраченный на копирование печатного текста, служат серьезными свидетельствами его читательского успеха. Исследование многих рукописных сборников кантов и псалм середины XVIII в., хранящихся в Государственном Историческом музее в Москве, позволило еще в конце 1940 гг. ученому-археографу С. Н. Питиной прийти к выводу, что почти все лирические стихотворения Тредиаковского из «Езды в остров любви» были «широко распространены как песни, любовно записывались и переписывались вместе с музыкой к ним, бытуя без имени автора, во всевозможных разночтениях и вариантах, проникая в самые широкие общественные круги, затверживаясь наизусть»¹³. Разыскания, проведенные нами в фондах отдела рукописной книги библиотеки Академии наук СССР, не только подтверждают в основном выводы Питиной и продолжившей ее работу Т. Н. Ливановой, но и свидетельствуют о несомненном читательском успехе панегирических, духовных и философско-назидательных стихов Тредиаковского. В конце XIX в. в Академию наук поступили две рукописи. Первая из них (на бумаге 1740 гг. с филигранью: ярославский герб и буквы «ЯФЗ») представляет собой отрывки трех списков «Оды торжественной о здаче города Гданска» (шифр: 45.7.1). По-видимому, перед нами остатки нераспроданной «продукции» неизвестного переписчика, прирабатывающего к скудному подъяческому жалованию копированием на продажу популярной у читателей «новомодной» оды. Естественно, что при копировании параллельный немец-

кий текст оды, имевшийся в печатном издании, опускался.

В другой рукописи — сборнике кантов и псалм, составленном в первые годы царствования Екатерины II (бумага с филигранью: ярославский герб и буквы «ЯМАЗ») неизвестным семинаристом, среди переложений псалмов Феофана Прокоповича и М. В. Ломоносова, анонимных пасторалей и романсов, стихов на греческом и латинском языках нам встретились списки «Песни, сочиненной в Гамбурге к торжественному празднованию коронации Анны Иоанновны»¹⁴ и «Стихов похвальных России» без заглавий и указания имени автора (шифр: 16.6.33, лл. 141—142, 154—155). Многочисленные разночтения и явные ошибки в этих списках, характерные для рукописного бытования текста, свидетельствуют о том, что они дошли до составителя сборника через третьи, а может быть, тридцать третьи руки.

Самый поздний из известных нам рукописных сборников кантов и псалм, в котором встречаются стихи Тредиаковского, датируется по филиганиям на бумаге (ярославский герб и буквы «ЯМВСЯ») концом XVIII в. (шифр: 45.11.19). Социальное положение его составителя не вызывает сомнений. Это семинарист из какого-то верхневолжского города (сборник куплен для Академии наук Ф. И. Покровским в 1901 г. у ярославского букиниста Дубровина). Месяц за месяцем юный любитель поэзии списывал в свою тетрадь переложения псалмов Феофана Прокоповича, М. В. Ломоносова, М. М. Хераскова и анонимных поэтов начала XVIII в. (псалмы 14, 37, 42, 64, 124 и 145), духовные стихи Дмитрия Ростовского и виршевой панегирик знаменитому чудотворцу, традиционные стихи на «престольные» праздники и стихи «покаянные». Сборник завершается рождественскими «колядками», шуточной «исповедью» подъячего, «похвалами» вину и деньгам и сентиментальной песенкой о бедном голубочке. От кого-то из старших товарищей семинарист узнал и скопировал со всеми ошибками предшествующих переписчиков ранние силлабические варианты «Оды, вымышленной в славу правды, побеждающая ложь» (лл. 13—14) и «Стихов похвальных России» (лл. 18 об.—19) Тредиаковского, возможно, даже не зная о том, кто их автор¹⁵.

Сравнительно недолгая, но вполне заслуженная известность выпала на долю переведенного Тредиаковским

с французского языка анонимного философско-политического трактата «Истинная политика знатных и благородных особ». Переводчик ошибочно считал его автором известного французского просветителя Ф. Фенелона, с молодых лет привлекавшего симпатии Тредиаковского своим воинствующим гуманизмом, ненавистью к деспотизму, страстными поисками путей к гармоничному переустройству современного общества. Это заблуждение не удивительно, если учесть, что «Истинная политика» действительно очень близка по духу и стилю сочинениям Фенелона. Читатели по достоинству оценили вкус и искусство переводчика. Книга выдержала за пятьдесят лет четыре издания (СПб., 1737, 1745, 1765, 1787), которые в совокупности составили фантастический для XVIII столетия «сверхтираж» в 3000 экземпляров. Попутно с этим алчность книгопродавцев в столицах и почти полное отсутствие книжной торговли в провинции значительно увеличивали тиражи каждого из изданий «Истинной политики» за счет рукописных копий, изготовлявшихся как для собственного употребления, так и на продажу. Две из таких копий хранятся в библиотеке Академии наук СССР. Любопытно, что на форзаце наиболее ранней из них (бумага 1737—1747 гг. с филигранями; буквы: «КОМЕРЦЪ — КОЛЕГИ» и ярославский герб с буквами «ЯФЗ») ее владелец поместил опись своей библиотеки, состоявшей из 21 книги (шифр: 25.2.3). Среди сочинений духовного содержания, пособий по военному делу и сборников законодательных актов здесь была и «Ода торжественная о здаче города Гданска» (СПб., 1734). Известный книголюб 1740 гг., судя по заметкам на полях описи, охотно разрешал пользоваться своей библиотекой родным и приятелям. Благодаря этому круг читателей «Истинной политики» и «Оды» значительно расширялся. Не менее интересен другой список, выполненный со второго, «вновь высмотренного и умноженного» издания (СПб., 1745) в середине 1760 гг. (бумага с филигранью: буквы «ВФ» и «СТ» в волнистых прямоугольниках) в городе Архангельске (шифр: 19.2.22). Первоначально он принадлежал, по-видимому, какому-то чиновнику Архангельского порта (см. в переплете рукописи листы с деловой перепиской порта за март 1767 г.), а затем, «опускаясь» вниз по социальной лестнице, оказался у крестьян-старообрядцев Каргопольского уезда, где и был

куплен летом 1914 г. комиссионером Академии наук А. А. Ивановым.

Приведенные нами примеры книговедческих разысканий в фондах Академического собрания и некоторых других библиотек и архивов слишком немногочисленны и фрагментарны для каких-либо окончательных обобщений и выводов. Мы стремились только наметить основные пути изучения сложной и интересной проблемы «Тредиаковский и читатели-современники». Довести до конца эту большую и трудоемкую работу можно лишь совместными усилиями исследователей Ленинграда, Москвы, Астрахани, Казани и других городов, располагающих крупными хранилищами печатной и рукописной книги XVIII столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. предисловие Л. И. Тимофеева к кн.: Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М.—Л., 1963, с. 5.

² По сведениям С. М. Луппова, в описи библиотеки А. П. Волынского, обнаруженной им в Центральном государственном архиве древних актов (далее ЦГАДА), зарегистрированы «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (СПб., 1735) и переведенный Тредиаковским с французского языка трактат «Истинная политика знатных и благородных особ» (СПб., 1737).

³ ЦГАДА, ф. 17, оп. 1, д. 262, л. 52 с об. Под № 795 здесь зарегистрированы «Сочинения и переводы» (т. 1—2, СПб., 1752) Тредиаковского, а под № 804 — два тома «Тилемахиды» (СПб., 1766).

⁴ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 445, № 22, л. 101, под № 50—51 зарегистрированы два тома «Сочинений и переводов», 1752 г.

⁵ Центральный государственный архив г. Москвы, ф. 16, оп. 29, д. 64, л. 243. В первой «палате» библиотеки хранились два тома «Сочинений и переводов», 1752 г. и трагедия «Деидамия» (М. 1775). Новиковскими книгами широко пользовались его собратья по масонской ложе, студенты Московского университета и питомцы Дружеского ученого общества, среди которых нельзя не вспомнить А. А. Петрова и Н. М. Карамзина.

⁶ В описи, хранящейся в отделе редкой книги научной библиотеки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, под № 2 зарегистрирована «Ода торжественная о здече города Гданска» (СПб., 1734), под № 14 — «Тилемахида» (т. 1—2, СПб., 1766), под № 15 — «Oratio de divite varia solerte as dissimili Eloquentia» (Petropli, 1745), под № 20 — «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (СПб., 1735) и под № 142 — трагедия «Деидамия» (М., 1775).

⁷ Залкинд Г. Г. П. Каменев, 1772—1803 (Опыт имущественной характеристики первого русского романтика). Казань, 1926, с. 77, 79. Под № 31 здесь зарегистрирована повесть Д. Баркли

«Аргенида» в переводе Тредиаковского (т. 1—2, СПб, 1751) и под № 46 — два тома «Тилемахиды» (СПб, 1766).

⁸ См. в собрании И. Ф. Мартынова четвертый том «Древней истории» Ш. Роллена (СПб, 1753) с владельческой записью академика В. Е. Адодурова: «В СПбурге 1755 июля 31 из Академической лавки. Материя 1 руб. 50 коп., переплет 40 коп., и того 1 руб. 90 коп.».

⁹ Аристов В. В., Ермолаева Н. В. Все началось с переводителя... Поиски литературные и исторические. Казань, 1975, с. 88—94.

¹⁰ Отдел рукописной и редкой книги научной библиотеки Казанского университета, инв. № 1479.

¹¹ См. об этом конволюте в кн.: Петровский М. П. Библиографические заметки о некоторых трудах В. К. Тредиаковского. (Страничка к истории русского стихосложения). Казань, 1890.

¹² См. о нем в кн.: Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб, 1877, столб. 64, 66, 71.

¹³ См.: Ливанова Т. Н. Русская музыкальная культура XVIII в. в ее связях с литературой, театром и бытом. Исследования и материалы. Т. 1, М., 1952, с. 47. Характерно, что большинство русских читателей познакомилось с лирическими стихотворениями В. К. Тредиаковского, напечатанными в приложении к переведенной им с французского языка книге П. Тальмана «Езда в остров любви» (СПб, 1730), в списках, «Езда» при выходе в свет, по признанию самого переводчика, имела огромный успех у читателей. Однако многим влиятельным светским и особенно духовным персонам она показалась слишком «развратной» по этическим понятиям того времени (см.: А. И. Малеин. Новые данные для биографии В. К. Тредиаковского. Сборник ОРЯС, № 3, Л., 1928, с. 431—432). Сперва поэт пытался гордо игнорировать нападки недоброжелателей, однако постепенно обстановка настолько обострилась, что Тредиаковский был вынужден, по свидетельству Г. Ф. Миллера, скупать и сжигать тираж крамольной книги. Уже к 1776 г. она стала библиографической редкостью. (см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725—1800, т. 3. М., 1966, с. 207) и практически не встречается в каталогах частных библиотек XVIII столетия. Скандалу, связанному с появлением в свет «Езды в остров любви», мы, вероятно, обязаны и тем, что любовная лирика 1730—1750 гг., как правило, анонимна. Давая приятелям списывать новые плоды своей игривой музыки, поэты-лирики предпочитали во избежание неприятностей сохранять инкогнито.

¹⁴ Список этой «Песни», обнаруженный в 1735 г. у нерехтинского дьякона Савельева и костромского священника Васильева, доставил его владельцам и поэту большие неприятности (см.: В. К. Тредиаковский. Избранные произведения, с. 12)↓

¹⁵ Известно, что Тредиаковский переложил стихами всю Псалтирь, хотя опубликованы лишь его переложения нескольких псалмов. Вполне возможно, что некоторые анонимные тексты псалмов в рукописных сборниках XVIII—XX вв. принадлежат его перу (см.: Т. Н. Ливанова. Указ соч., с. 51).

В. П. СТЕПАНОВ

ТРЕДИАКОВСКИЙ И ЕКАТЕРИНА II

Репутация тяжелого и бездарного поэта прочно укрепилась за Тредиаковским в последние двадцать лет жизни вследствие остроумных нападок литераторов младшего поколения. Но насмешки над ним и в то время имели разные оттенки. Как убедительно показал академик А. С. Орлов, за распространенными при дворе шутками над неудобочитаемостью «Тилемахида» скрывалось намерение скомпрометировать ее как произведение русской просветительской мысли¹. К сожалению, этим наблюдением обычно и ограничивается характеристика отношения Екатерины к творчеству Тредиаковского. Литературно-полемический аспект этого отрицательного отношения не привлекал внимания исследователей.

Между тем Екатерине была известна не только «Тилемахида». Многочисленные вставки из сочинений Тредиаковского находятся в ее драматических сочинениях. Так, в «Храбром и смелом витязе Ахридеиче» две няньки построчно распевают «Описание грозы, бывшая в Гаге» (1726—1727). В «Новгородском богатыре Боеславице» хор исполняет строфу из «Песни, сочиненной в Гамбурге к торжественному празднованию коронации Анны Иоанновны» (1730):

Восприимем с радости полные стаканы,
Восплещем громко и руками,
Заскачем весело ногами,
Мы, верные граждане.

В «Февее», «составленном из слов сказки, песней русских и иных сочинений», использованы слегка переделанные «Стихи эпиграммические на брак князя Куракина» (1730).

Эти указания прежних комментаторов² не исчерпывают всех упоминаний о Тредиаковском в пьесах Екатерины II. Например, в том же «Февее», кроме отрывков, указанных Лонгиновым и Пыпиным, находится еще одна откровенная цитата из «Песни» в честь Анны Иоанновны.

Обращения Екатерины II к «Деидамии» практически не привлекали внимания. Мельком на этот источник указал Лонгинов в обзоре пьес Екатерины, но объем и смысл заимствований ее из этой трагедии никогда не уточнялся. Между тем из пьесы Тредиаковского Екатерина включила в «Февея» целый персонаж — Вулевполя, «барина-дворецкого». У Тредиаковского это был Вулевполем, «первый министр и военачальник царя Ликодема». Монологи Вулевполя в «Февее» представляют контаминацию из речей Вулевполема и Ликодема.

Постоянным соавтором, который сочинял, подбирал и компоновал стихотворные тексты в пьесах Екатерины, был А. В. Храповицкий. Ему принадлежала и первоначальная идея использовать «Деидамию». Как свидетельствует автограф оперы «Ахридеич» руки Храповицкого (датируется 1786 г.), в нее предполагалось также ввести Вулевполема, «вельможу царя Ликодема при Троянской войне, потом бывшего барина дворецкого у царя Тао-Ау сибирского», но сцена, в который появляется этот герой, не вошла в окончательный текст³. Императрица познакомилась с ранними сочинениями Тредиаковского, предшествовавшими «Тилемахиде», несколько позднее, в 1788 г., во время работы над оперой «Горе-богатырь Косометович». Храповицкий записал в своем «Дневнике»: «Для составления оперы о Фуфлыге (первоначальное название «Горе-богатыря» — В. С.) поднес «Езду в остров любви», «Деидамию» и трагедии Ломоносова, из коих надобен «Мамай». Сказано: «будет хорошо»⁴. Экземпляр московского издания «Деидамии» 1775 г. позднее был обнаружен среди подручных книг императрицы в ее рабочем кабинете; он упомянут в описи кабинета, составленной в 1795 г.⁵ По-видимому, с работой над комическими операми для Эрмитажного театра и связан набросок пародии на «Деидамию», впервые опубликованный по автографу А. Н. Пыпиным как часть оригинальной, но незавершенной пьесы под заглавием «Навплия»⁶. Навплия — имя одной из героинь трагедии Тредиаковского,

соперницы Деидамии в любви к Ахиллесу, переодетому в женское платье и скрывающемуся при дворе Ликодема под женским именем Пирры.

Сочинение Екатерины состоит из точно воспроизведенного монолога Навплии, открывающего трагедию «Деидамия» — сохранена даже ремарка: «в горести и отчаянии» — и прозаического комментария к нему от лица «мамы», то есть няньки. Если трагическая героиня говорит на условном поэтическом языке, то «мама» дает всем ее словам сниженное бытовое толкование. Стоит Навплии упомянуть имя Пирры, как «мама» выражает свое изумление: «какой пир, когда это будет?» Навплия риторически восклицает: «Вот слезы из очей!» — «мама» подает реплику: «Не плачь, голубушка, не плачь, глаза испортишь». В ответ на восклицание: «Любовь! Приятна страсть!» — она увещевает свою воспитанницу: «Постыдись, о сем девушке неприлично так громко прогласить». Если подыскивать аналоги этого приема, то диалог «мамы» и Навплии напоминает травестийный комментарий к письму Татьяны в «Онегине нашего времени» Д. Д. Минаева.

Екатерина стремится высмеять непонятность поэтизмов. «С ума, мать моя, посходила, — говорит нянька Навплии, — не разберешь твоих речей». Она подчеркивает двусмысленность и неестественность условной манеры выражения героев высокой трагедии:

Навплия: Ах! Навплия, ах, что! Твоя ль то честь и род? Не можешь ли еще терпеть, терпевши год?

Мама: Чего ты говоришь? Ну, пригоже ли?

Вряд ли можно предполагать, что отношение Екатерины в «Деидамии» определялось идеологическими мотивами, подобно тому, как это было с «Тилемахидой». «Деидамия» — не политическая трагедия.

Как известно, Екатерина вообще не любила поэзию. По замечанию графа Сегюра, он не встречал человека «до такой степени нечувствительного к созвучию стихов»⁷. Ее практический ум политика каждое из собственных сочинений превращал в публицистическое выступление с конкретным адресатом, будь то ненавистные масоны или простая ссора придворных. Уже по одному этому стихотворная трагедия, если она не касалась политиче-

ских вопросов, теряла для Екатерины всякий интерес. С другой стороны, известно, что она была поклонницей легкого комедийного жанра и более всего итальянской оперы-буфф⁸. Литературная манера комических опер самой императрицы довольно прозрачна. Ее можно определить как поверхностно понятый бурлеск, столкновение «простого» вплоть до фольклорного стиля изложения с эпизодами того же содержания, но в «высоком» слоге. Стихи Тредиаковского и вводились в пьесы как контрастный материал к прозаическому авторскому тексту. Подобный прием механически применен во всех скоропалительно скомпонованных операх 1786—1788 гг. Наиболее четко он прослеживается в «Горе-Богатыре Косометовиче», где фарс, стилизованный под фольклорную сказку, должен был осмеивать геройские замашки Густава III, шведского короля. Давая наставления актерам, Екатерина сама определила характер пьесы: «Она — бурлеск. Надобно играть живее и развязнее, и в том costume как играют «Мельника»⁹. Этот же прием снижения темы она применила и в пародии на Тредиаковского.

Думается, что пародия Екатерины на классическую трагедию может внести некоторые уточнения в представление о ее литературных взглядах. Изучением их нельзя пренебрегать, поскольку императрица-писательница весьма активно вмешивалась в литературную жизнь своего времени.

Книги, как и люди, имеют свою судьбу, говорит латинская пословица. У «Деидамии» она была трагикомической, чем-то похожей на неудачную судьбу ее автора. Созданная как одно из первых сочинений для Российского театра, трагедия ни разу не попала на сцену. Автор посвятил ее А. П. Сумарокову, а Сумароков стал затем одним из самых язвительных его литературных противников. Не прошло и полугода после смерти Тредиаковского, как в том же 1769 г. «Деидамия» стала объектом грубейшего плагиата — М. Д. Чулков переложил стихотворный текст в прозу и напечатал под своим именем в виде повести «Похождение Ахиллесово под именем Пирры до Троянской осады». Вставляя куски из трагедии в контекст своих опер, Екатерина поддерживает среди зрителей придворного театра ироническое отношение к Тредиаковскому. А после того, как без зазре-

ния совести обирает пьесу для нужд собственного сочинительства, она предпринимает попытку написать на нее пародию.

Еще в 1763 г. Д. И. Фонвизин сообщал сестре, что кружок молодых драматургов, группировавшийся вокруг И. П. Елагина, развлекался разбором «Деидамии»: «Нет ничего ее смешнее... Вообрази себе Ахиллеса, который в его трагедии в женском платье. А стихи ужасно как странны и смешны»¹⁰. Последующие насмешки привели к тому, что в начале XIX в. за «Деидамией» закрепляется репутация образцово неудачной пьесы. Одно из свидетельств этого находим в комедии (переделанной с французского) П. А. Корсакова «Тетушка Маремьяна, или превращения», ставившейся в Петербурге в 1814 г. Выводя на сцену смешного почитателя высокой трагедии, Корсаков называет «Деидамию» родоначальницей «великих образцов театрального искусства» вроде многократно осмеянных трагедий «Траян и Лида» В. В. Лазаревича, «Пантея» Ф. Я. Козельского, «Велесана» Я. П. Козельского и анонимной трагедии «Сакмир»¹¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Орлов А. С. «Тилемахида» В. К. Тредиаковского. В кн.: XVIII век, сб. 1. М.—Л., 1935, с. 5—55.

² Лонгинов М. Н. Драматические сочинения Екатерины II. В кн.: Сочинения, т. 1. М., 1915, с. 269—284. Его данные не всегда полно использованы в комментарии А. Н. Пыпина к 2—4 тт. «Сочинений» Екатерины II (СПб., 1901).

³ Екатерина II. Сочинения, т. 2. СПб, 1901, с. 452—453.

⁴ Там же, с. 512.

⁵ «Журнал Министерства народного просвещения», 1872, № 8, отд. II. с. 335.

⁶ Екатерина II. Сочинения, т. 3. СПб, 1901, с. 447—450.

⁷ «Исторический вестник», 1886, № 1, с. 248.

⁸ Гозенпуд А. А. Музыкальный театр в России. М., 1959, с. 86—89.

⁹ Екатерина II. Сочинения, т. 2. СПб, 1901, с. 513.

¹⁰ Фонвизин Д. И. Собрание сочинений, т. 2. М.—Л., 1959, с. 329.

¹¹ Рукописный экземпляр комедии, д. 2, явл. 6. Театральная библиотека им. А. В. Луначарского. Шифр 1.XIX.4.17.

М. Г. АЛЬТШУЛЛЕР

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ТРЕДИАКОВСКОГО В «БЕСЕДЕ ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОГО СЛОВА»

И в XVIII в. (в работах Новикова и Радищева), и в начале XIX (в кругу «Беседы любителей русского слова») складывалось положительное отношение к творческому наследию Тредиаковского.

В размышлениях, переписке, филологических трудах «беседчиков» имя Тредиаковского встречается очень часто. Особенно много внимания ему уделяет Е. А. Болховитинов (митрополит Евгений), почетный член «Беседы», постоянный литературный советчик Державина и большой знаток русской и мировой литературы. В переписке с Д. И. Хвостовым и Державиным он постоянно подчеркивает многообразные заслуги Тредиаковского перед отечественной словесностью, не соглашаясь даже с общепринятыми представлениями о дурном вкусе поэта: «В Тредиаковском даже больше поэзии нежели в Кантемире. Но вкус у обоих равен, и, право, нельзя предпочитать одного другому»¹. Евгений, как и Радищев, находит в «Тилемахиде» истинную поэзию: «...В ней есть множество выразительных красот, но в старинном уже для нас наряде, как и у самого Гомера» (с. 188). Он не устает повторять, что Тредиаковский был основателем нашей литературы и наставником всех следовавших за ним поэтов, вплоть до современных: «Отец старинной нашей тонической поэзии есть г. Тредиаковский. Без него, может быть, не видали бы мы ни Ломоносова, ни Сумарокова...» (с. 150). Благодаря своего корреспондента за возвращение «учителя нашего», т. е. сочинений Тредиаковского, Евгений добавляет: «Если вологодский экземпляр украден у вас молодежью, то и это честь старику, что смеющаяся над ним юность украдкою у него же учится» (с. 188).

Трудность, тяжеловесность с ориентацией на архаику и церковнославянизм придают слогу, с точки зрения «беседчиков», истинную выразительность и торжественность. По этому пути шли они как в теоретических своих исследованиях (например, А. С. Шишков в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка»), так и в поэтической практике (наиболее показательны в этом отношении творчество А. С. Ширинского-Шихматова). И именно на этом пути, говорит Евгений, следует считать учителем В. К. Тредиаковского: «...Петров, кажется, оглядывался и на него и не брезговал иногда самовымышленными выражениями, похожими на Тредиаковского. Сие то в нем брезгливые критики называли надutoю славянщиною. Но славянщина останется для нас навсегда пробным камнем красноречия нашего» (с. 150).

Несколько более сдержанно, чем в личной переписке, те же идеи Евгений высказал и в предназначенном для печати «Словаре русских светских писателей», подводя здесь итоги своим размышлениям о Тредиаковском.

Авторитет Тредиаковского как ученого в «Беседе» был непоколебим. Когда Шишков позволил себе посмеяться над стихами поэта: «Писать без дарования — будешь Тредиаковский», — то он тут же оговорился: «Я разумею о стихотворстве Тредиаковского; чтож принадлежит до исторических переводов его и писаний в прозе, оныя отнюдь не должны почитаться наравне с его стихами»². В «Разговорах о словесности» (1811) Шишков называет «основателями стихотворных сочинений наших Кантемира, Тредиаковского и Ломоносова». При этом, разделяя точку зрения Радищева, Шишков пишет, что Ломоносов, имея «великий дар, но последуя немецким стихотворцам, приучил нас к одним ямбам», а Тредиаковский «старался нам растолковать латинские хорей, дактили и анапесты; но не умея учения своего подкрепить сильными примерами и важными произведениями, не мог поселить в нас охоты к подражанию».³

В 1808 г. А. П. Бунина, ученица П. И. Соколова, секретаря Российской академии и члена «Беседы», протеже Шишкова, выпускает книгу «Правила поэзии, сокращенный перевод аббата Бате». В предисловии к этой ученической работе Бунина отмечает историческое значение Тредиаковского как стиховеда («предложенные им правила касаются более до стопосложения»), хотя

«приведенные им примеры не соответствуют уже нынешнему читателям вкусу»

У другого последователя Шишкова, ректора Харьковского университета И. С. Рижского, роль Тредиаковского как создателя русского стихосложения также никаких сомнений не вызывает⁴.

Разносторонняя характеристика Тредиаковского дана в работах Я. А. Галинковского, чья творческая деятельность проанализирована в содержательной статье Ю. М. Лотмана. Однако с последовательно проводимым Ю. М. Лотманом отторжением Галинковского от «Беседы любителей русского слова» согласиться нельзя. По своим родственным и дружеским связям Галинковский входил в круг «Беседы»: он был женат на родственнице первой жены Державина, близко сошелся со стареющим поэтом и активно помогал ему в работе над «Рассуждением о лирической поэзии»⁵. Организационно он также принадлежал «Беседе»: с самого основания общества был членом-соревнователем 2-го разряда (председатель был Г. Р. Державин)⁶, и ему «назначено было делать извлечения из общего круга литературы»⁷, а в 1812 г. он стал секретарем «Беседы»⁸.

Галинковский горячо протестует против незаслуженно издевательского отношения потомков к Тредиаковскому, прославляет его ученость. «Первый профессор нашего красноречия, первый знаток древних авторов, человек необыкновенно глубокого знания в науках, человек, который едва ли является с тех пор с таким обширным учением... он один написал более полезных книг, нежели десять современников...»⁹. Как справедливо отметил Ю. М. Лотман, Галинковский разделяет идеи Радищева, противопоставляя Тредиаковского Ломоносову: «...обеславили память его за одну смелую идею ввести в российский язык стопосложение греческое. В то самое время вводил Ломоносов германские стопы и рифмы, которые нимало не превосходнее сами по себе и имели только представителем великое лично особенное дарование. Соперник его был сильнее, восторжествовал, и мы забыли память его!»¹⁰

Столь же важной представлялась роль Тредиаковского в истории русской словесности другому члену «Беседы» Н. Язвницкому. Во «Введении в науку стихотворства» Язвницкий посвящает Тредиаковскому семь

страниц, тогда как о Ломоносове и Сумарокове вместе говорится на двух. Язвического более всего поражает диапазон научной, переводческой и поэтической деятельности Тредиаковского. Свою характеристику он начинает с восхищения человеческими качествами несправедливо осмеянного поэта. Тредиаковский для Язвического — основатель русского стихосложения, и во «Введении» приводятся обширные цитаты из оды по случаю сдачи города Гданска, которая «достойна особенного внимания потому, что была самая первая на языке русском»¹¹.

В отличие от многих других защитников Тредиаковского, Язвический признает даже поэтический его талант и в качестве примера хороших стихов цитирует начало известного перевода из «Второзакония»:

Вонми, о! небо и реку,
Земля да слышит уст глаголы:
Как дождь я словом потеку;
И снидут, как роса к цветку,
Мои вещания на доли¹².

Появление книги Язвического с отзывами о Тредиаковском именно в 1811 г. вряд ли было случайным: интерес к Тредиаковскому оживился и стал особенно острым в связи с официальным открытием «Беседы любителей русского слова».

В 1811 г. Державин набрасывает перевод «Из второй песни Моисеевой», в котором, несомненно, сознательно использует строки Тредиаковского:

Вонми, о небо! что реку,
Земля, услышь мои глаголы:
Как дождь, на нивы потеку
И, как роса, на злачны доли...¹³

На обороте одного из черновиков Державин пишет письмо об открытии «Беседы» (т. 3, с. 412), и это случайное совпадение показывает, как в сознании Державина шли параллельно мысли о Тредиаковском и о деятельности «Беседы».

Свою работу в обществе Державин начал с создания и публикации обширного трактата «Рассуждение о лирической поэзии или об оде». На первой же его странице Державин упоминает Тредиаковского как своего предшественника: «...Еще в 1752 году покойный профессор Тредиаковский писал о сем предмете...» (т. 7, с. 530).

В отличие от Евгения и Язвицкого, признание Тредиаковского у Державина не является безусловным — он достаточно осторожен и более традиционен в своих оценках. В письме к Евгению Державин пишет: «...Тредиаковский был муж ученый и знал правила пиитики и риторики (этого у него оспорить нельзя; но то беда, что не имел только вкуса)...» (т. 6, с. 382). С точки зрения Державина, главная заслуга Тредиаковского заключается не в создании русского стиха вообще, а в попытке, хотя и не удавшейся до конца, создания тонического, то есть народного размера (т. 7, с. 604).

С именем Тредиаковского связана также важнейшая литературная дискуссия о русском гекзаметре, развернувшаяся на страницах «Чтений» в «Беседе любителей русского слова». В десятой книжке Галинковский поместил перевод первой эклоги Виргилия, выполненный русским гекзаметром, т. е. тем дактило-хореическим размером, каким написана «Тилемахида». В предисловии к переводу Галинковский подчеркнул свою зависимость от Тредиаковского, сказав, что его мысль «о введении у нас древнего размера не переставала быть великою, прекрасною и достойною внимания стихотворцев». Поэтому, когда в 13 книге «Чтений» С. С. Уваров выступил с советом Н. И. Гнедичу переводить Гомера дактило-хореическим размером, то соотнесение этого совета с опытом Тредиаковского подразумевалось само собой. И В. В. Капнист, отвечая Уварову, упрекает своего оппонента за то, что тот обратил Гнедича «на стезю утопанную вечной тяжело-стихо-слагательной памяти сочинителем Тилемахиды!» Подняв брошенную ему перчатку, Уваров в остроумном и доказательном ответе для защиты Тредиаковского обращается к авторитету Радищева: он приводит обширную цитату из главы «Тверь», в которой Радищев противопоставляет Тредиаковского Ломоносову и предсказывает, что потомки сумеют по достоинству оценить автора «Тилемахиды».

Несмотря на огромный теоретический интерес, полемика Уварова с Капнистом не имела уже практического значения, ибо Гнедич к ответу на первое письмо Уварова приложил гекзаметрический перевод шестой песни «Илиады». Не следует думать, что в решении Гнедича совет Уварова сыграл главную роль. Сам Гнедич еще в студенческие годы, по словам С. П. Жихарева, «...три

раза прочел «Тилемахиду» от доски до доски и даже находил в ней неподобные стихи...»¹⁴

С появлением перевода Гнедича спор не только о русском Гомере, но и вообще об интерпретации античной поэзии на русской почве был решен на многие десятилетия и вплоть до наших дней. Отныне дактило-хореический размер, создателем которого был Тредиаковский, становится важнейшим инструментом усвоения Россией всей античной культуры.

Таким образом, в кругу «Беседы любителей русского слова» была дана высокая оценка Тредиаковскому как трудолюбивому ученому, переводчику, основателю русского стихосложения и поэту, который, несмотря на свое небольшое дарование, пролагал новые пути развития отечественной литературы. Оценка эта при всей ее неполноте и некоторой пристрастности развивала точку зрения Радищева, и она во многом совпадает с тем представлением о Тредиаковском, которое сложилось в последние десятилетия в нашей науке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сб. статей, читанных в Отделении русского яз. и словесности, т. V. 1868, с. 152. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте.

² Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге. СПб, 1803, с. 145.

³ Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов, ч. 3, СПб., 1824, с. 44, 47.

⁴ Рижский И. Наука стихотворства. СПб, 1811, с. 29.

⁵ XVIII век, сб. 4. М.—Л., 1959, с. 254—255.

⁶ Чтение в «Беседе любителей русского слова», кн. I, с. X.

⁷ Там же, чтение II, с. 20—21.

⁸ Десницкий В. Избранные статьи по русской литературе XVIII—XIX вв. М.—Л., 1958, с. 124 и сл.

⁹ Корифей, или ключ литературы, ч. I. СПб, 1802, с. 68.

¹⁰ Там же, с. 69.

¹¹ Язвицкий Н. Введение в науку стихотворства. СПб, 1811, с. 119.

¹² Эти стихи Тредиаковского сравнительно недавно прозвучали в современной литературе: их читает герой повести И. Грековой «На испытаниях» («Новый мир», 1967, № 7, с. 15).

¹³ Державин. 2-е академическое издание, т. 3, СПб, 1870, с. 412. В дальнейшем указания на том и страницу в тексте.

¹⁴ Жихарев С. П. Записки современника. М.—Л., 1955, с. 191.

Е. Н. КОНОНКО

В. К. ТРЕДИАКОВСКИЙ
В ТВОРЧЕСТВЕ ВАДИМА ШЕФНЕРА

Он из былого, из былого
Спешит, бесхитростный связной,
Неся неведомое слово,
Еще не сказанное мной.

Подлинное признание, всестороннюю оценку творчество Тредиаковского получило в наши дни. Об этом свидетельствуют не только многочисленные исследования советских литературоведов, но и обращение к нему советских писателей и поэтов.

Вадим Шефнер в своем поэтическом сборнике «Своды»¹ посвящает В. К. Тредиаковскому цикл из десяти стихотворений, в которых, продолжая лучшие традиции русской философской лирики, выражает мысль о постоянной непреходящей связи времен — мир пронизан минувшим. И поэт Василий Тредиаковский — тот самый «бесхитростный связной», который «из былого» спешит навстречу нам. Не случайно в поэзии Вадима Шефнера постоянно является образ дороги, который, по словам Вс. Рождественского, предстает «как символ последовательной преемственности поколений»².

Дорога может быть проложена
Одним, — его забудут имя,
А после сколько будет хожено
И езжено по ней другими!
Автомобильная механика
Придет на смену тяге конной, —
А там следы босого странника
Лежат под лентою бетонной.

«Следы босого странника» ищет и находит Вадим Шефнер на дорогах русской поэзии. Все стихотворения его, посвященные Тредиаковскому, повествуют «о трудах и горестях первооткрывателя». В них мы видим отважного «первопроходца русской поэзии», от юных лет его, когда он, «слыша смутный зов, уйдет из Астрахани дальней», его бездомность и нищету в годы заграничных скитаний («Безденежье в Гааге»), долгожданную

встречу с родиной («Возвращение»), где, однако, ждет его не радость, а тяжелый неблагодарный труд («Нулевой цикл»), унижение и опала («Уголья», «Квадратик», «Опала»), наконец — горестное «успокоение под землей, снежком запорошенной...»

Образ Тредиаковского в стихах Вадима Шефнера сложен и многосторонен, как и сама эпоха, породившая его, эпоха, когда слово «ропот» в обратном прочтении давало зловещее слово «топор», когда свирепствовала опала, казнящая людей без топора. А российская муза еще «слепа и безгласна», она блуждает в ночи, ожидая своего «многострадального поводыря».

Он музе даст любовь и гнев,
Вдохнет в нее свое дыханье.
Она прозреет — и, прозрев,
Его пошлет на поруганье.

Советский поэт видит в Тредиаковском разные черты: и унижающие, и возвышающие его: «Конечно, человек он был трудный и мало симпатичный, и в литературной полемике использовал иногда не совсем благородные приемы, что, впрочем, тогда было в порядке вещей... Но дело не в том, каким был Тредиаковский, а в том, что он сделал для всех нас»³. Так рождается стихотворение «Уголья» — о печальной судьбе поэта-придворного, который «по долгу службы» обязан льстить:

В своей угодливости вязкой
Порою жалок ты, пиит.
Но за одической маской
Взор прорицателя горит.
Все восклицанья, уверенья
И похвала на похвале,—
И вдруг блеснет огонь презренья
В дифирамбической золе.
Слова тревоги и печали,
Жгут, будто уголья в горсти.
И легче быть за них в опале,
Чем вслух их не произнести.

Поэт, осмелившийся высказать осуждение и укоризну, запуганный и осмеянный Екатериной II и ее окружением, в стихах Вадима Шефнера не столько жалок, сколько печален и глубоко человечен: в нем живут тревоги и радости подлинного творца, как бы впервые увидевшего мир, «то сияющий, то мрачный», он стремится открыть его другим, обуздав еще не покорную

ему стихию русской поэтической речи, найти и укротить «слова будущей песни», которые «пасутся, как дикие кони, на пестром лугу бытия»:

А после поэт в колесницу
Впряжет усмирённых коней —
И все, что душе его снится,
Поведаёт в песне своей.

Вадим Шефнер с глубоким уважением и сочувствием пишет о трудной судьбе Тредиаковского: «Мы сейчас живём во дворце русской поэзии, и только время от времени производим в нём небольшие перестройки. При Тредиаковском не было этого дворца. Не было ни крыши, ни стен, ни даже фундамента. Была неосвоенная стройплощадка, на которой Тредиаковский, в бедности и унижении, с накладками, ошибками, упущениями, но и с каторжным упорством и трудолюбием, рыл котлован для будущего фундамента. Тредиаковский — поэт нулевого цикла. Кто как, а поэты должны чтить его память»⁴. Одно из своих стихотворений Шефнер так и называет — «Нулевой цикл»:

Он трудится, не зная смены,
Чтоб над мирской юдолью слез
Свои торжественные стены
Дворец Поэзии вознес.
И чем черней его работа,
Чем больше он претерпит бед —
Тем выше слава ждёт кого-то,
Кто не рождён ещё на свет.

Василий Тредиаковский не может и не должен быть забыт нами, ибо «поэты уходят, но стихи их остаются в мире, среди живых, и взвешиваются на весах жизни. Не смерть приговаривает поэтов к забвению, а жизнь, — её стремительное течение, смена поколений и вкусов. И та же самая жизнь включает в свой поток тех, чьи стихи нужны людям»⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шефнер Вадим. Своды. М., 1967.

² Рождественский В.с. Лирика мысли. «Нева», 1968, № 4, с. 191.

³ Шефнер Вадим. Цепочка мыслей о поэзии (Из записных книжек). «Литературная газета», 1967, 12 апреля, с. 6.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ХРОНИКИ

26 февраля 1975 г. «Литературная газета» сообщила об открытии мемориальной доски в старинном нижеволжском селе Енотаевке, где 230 лет тому назад родился русский поэт И. И. Хемницер. Об этом событии 21 марта пишет и «Литературная Россия»: «Нагорная улица Енотаевки, идущая над самой Волгой, там, где некогда стоял вал старой крепости, названа улицей Хемницера. А на фасаде районного Дома культуры укреплен мемориальная доска. На мраморе ее выгравирован портрет старейшины русской басни».

В № 7 журнала «Современник» за 1975 г. напечатан рассказ Ю. Нагибина «Остров любви», посвященный трудной судьбе В. К. Тредиаковского. Главные эпизоды повествования — жестокие издевательства над поэтом, не желавшим написать стихи к шутовской свадьбе в Ледяном доме, и казнь вельможи Артемия Волинского. Эти же эпизоды читатель найдет в романе В. Пикуля «Слово и дело», (Л., 1975). Рецензия Ю. Андреева на роман В. Пикуля («Лит. газета», 18 авг. 1976 г.) названа: «Боль Тредиаковского — это моя боль».

21—22 октября 1975 г. в Астрахани состоялась научная конференция, посвященная 250-летию Академии наук СССР и первому русскому профессору и академику В. К. Тредиаковскому. С докладами выступили ученые Ленинграда, Кисва, Тамбова, Ашхабада, Астрахани. Об открытии конференции сообщила 22 октября газета «Правда».

Буклет «Василий Кириллович Тредиаковский — первый академик-россиянин» (автор В. П. Самаренко) выпустило Астраханское отделение общества охраны памятников истории и культуры совместно с пединститутом им. С. М. Кирова. В числе иллюстраций — факсимильное воспроизведение записи о самовольном отъезде Тредиаковского из Астрахани в Москву и Петербург в 1723 г. (документ областного архива).

Большая выставка старопечатных и рукописных книг из астраханских коллекций в течение месяца привлекала посетителей краеведческого музея. Областная научная библиотека и отделение Общества любителей книги издали каталог выставки.

Пятая сессия Верховного Совета СССР девятого созыва (октябрь 1976 г.) приняла Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры». В числе памятников духовного творчества государственному учету и охране подлежат «древние и другие рукописи и архивы, записи фольклора и музыки, редкие печатные издания».

СОДЕРЖАНИЕ

Неизданные тексты В. К. Тредиаковского. Предупреждение. Псалмы 14, 81, 103, 116, 145. Подготовка текста и примечания А. Б. Шишкина	3
Н. С. Травушкин. Родина Тредиаковского — одно из культурных гнезд XVIII века	16
Г. Э. Гибшман. Город Астрахань в начале XVIII столетия	23
И. И. Нахимов. Учебные заведения Астрахани в первой половине XVIII века	27
А. С. Марков, В. А. Попов. Астраханские знакомства В. К. Тредиаковского	36
Б. А. Успенский. Тредиаковский и история русского литературного языка	40
Ю. С. Сорокин. Стилистическая теория и речевая практика молодого Тредиаковского (Перевод романа П. Тальмана «Езда в остров любви»)	45
Г. В. Москвичева. Тредиаковский и становление жанровой системы русского классицизма	55
В. И. Попков. Тредиаковский и древнерусская литературная традиция	58
Л. Н. Душина. Тредиаковский и русская баллада XVIII века	62
Л. В. Петрунина. Тредиаковский как переводчик итальянских комедий	64
А. А. Алексеев. К вопросу о художественности у Тредиаковского	70
Г. П. Курточкина. Ода «Вешнее тепло» В. К. Тредиаковского	75
И. Ф. Мартынов. Тредиаковский и его читатели-современники (По материалам отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР)	80
В. П. Степанов. Тредиаковский и Екатерина II	89
М. Г. Альтшуллер. Творческое наследие Тредиаковского в «Беседе любителей русского слова»	94
Е. Н. Кононко. В. К. Тредиаковский в творчестве Вадима Шефнера	100
Из краеведческой хроники	103

ВЕНОК ТРЕДИАКОВСКОМУ

Литературное краеведение, выпуск XII

Тех. редактор В. Ф. Крашенинникова. Корректор Е. П. Желтова.

Сдано в набор 9/VII 1976 г. Подписано к печати 13/XII 1976 г. Формат 84×108^{1/32}
Бум. газ. Физ. п. л. 3,25. Усл. п. л. 5,46. Уч.-изд. л. 5,3. Тираж 500. НМ 12048:
Заказ 218. Цена 30 коп.

Волгоградский пединститут, проспект В. И. Ленина, 27.
Типография изд-ва «Волгоградская правда». Волгоград, Привокзальная
площадь.